

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Все, к чему прикасалась
рука подвижника, несет
энергию, способную
изменить жизнь человека.

И даже побывав в доме
чекиста, святой крест не
теряет своей целительной
силы. Конечно, он поможет
только тому, кто
готов исцелиться...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Крест Иоанна Кронштадтского

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Крест Иоанна Кронштадтского

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Крест Иоанна Кронштадтского / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-89313-3

С особняком на углу Малой Никитской и Вспольного переуллка москвичи давно связывают мрачные легенды. Ничего удивительного, что здесь являются привидения и оживают тени прошлого, ведь в этом тихом уголке старой Москвы жил сам Лаврентий Берия, всемогущий и безжалостный палач, державший в трепете всю страну. Но легенды легендами, а журналистка Маша Семизерова действительно пропадает у дома Берии. Не исключено, что она попала в чужую эпоху по ошибке, и теперь остается только отыскать спасительный крест святого Иоанна Кронштадтского, который помогает всем, кто запутался в собственной судьбе и в блужданиях во времени...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89313-3

© Алейникова Ю. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Алейникова

Крест Иоанна Кронштадтского

© Алейникова Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

Пролог

На Крайнем Севере, в бедном селе Суро, в семье псаломщика маленькой деревенской церкви двести лет назад родился младенец настолько слабенький, что его поспешили окрестить, чтобы он не умер без святого крещения. Бог сделал его духовным светилом своего века и даровал ему всю полноту Духа Святого.

Нарекли младенца Иоанном.

Рос мальчик, учился, ходил с отцом в храм, полюбил службы и богослужebные книги и сделался набожным и благочестивым. Поступил в семинарию, блестяще окончил ее и был принят в Санкт-Петербургскую духовную академию.

В академии юный Иоанн посвящал много времени богомыслию и понял, что готовится к борьбе с духами злобы поднебесной, миродержителями тьмы века сего – диаволом и приспешниками его. Подумывал он сначала поступить в монашество и поехать миссионером в далекий Китай, но потом убедился, что и в столице, и в ее окрестностях очень и очень много работы истинному пастырю стада Христова.

По окончании учебы отправился Иоанн Ильич Сергиев исполнять должность священника в Кронштадтском соборе во имя Святого апостола Андрея Первозванного.

Когда прибыл кандидат богословия Иоанн в Кронштадт и впервые вошел в Андреевский собор, поражен был тем, что внутренний вид храма ему хорошо знаком – был это тот самый храм, который он с необыкновенной ясностью видел в молодые годы во сне. В сновидении этом он вошел в северные и вышел через южные врата алтаря. Тогда понял он, что сам Бог назначил его священствовать в этом храме.

12 декабря 1855 года посвящен был Иоанн в сан священника и начал свое великое служение.

В ту пору Кронштадт был местом, куда из столицы высылали порочных людей, бродяг и прочий неблагонадежный люд. Ютились беднейшие жители на окраинах в бараках и лачугах, шатались по улицам, попрошайничали и пьянствовали. Кроме того, в Кронштадте было много портовых рабочих, работавших в порту, поскольку в то время морские суда не могли из-за мелководья доходить до Петербурга, товары с них перегружались на мелкие суда.

Чернорабочий люд этот с семьями тоже селился на окраинах. Мужья пьянствовали, жены с детьми жили в беспросветной нужде, в голоде и холоде.

И вдруг, по повелению Божию, среди этого мрака блеснул луч любви. Молодой священник Андреевского собора отец Иоанн стал посещать эти лачуги и бедные квартиры. Он утешал брошенных матерей, нянчил их детей, пока мать стирала; помогал деньгами; вразумлял и увещевал пьяниц; раздавал все свое жалованье бедным, а когда не оставалось денег, отдавал свою рясу, сапоги и босой возвращался в церковный дом.

Сперва эти черствые люди не понимали порыва доброго пастыря. Однако, увидев его необычайную доброту, поняли, что Бог послал им любвеобильного друга и благодетеля. Сослуживцы отца Иоанна, духовенство Андреевского собора, частенько говорили его жене: а твой-то сегодня опять босой пришел. Не нравилось им это, не понимали они святого. Стали они хлопотать, чтобы жалованье отца Иоанна выдавалось не ему, а жене его.

Но не одну только денежную помощь оказывал отец Иоанн страждущим людям. Он вразумлял и увещевал падших, он молился об исцелении болящих. Молитву об исцелении отец Иоанн начинал сначала молитвой о прощении грехов болящему.

Если звали его к больному ночью, он тотчас торопливо одевался и ехал. Посещал он всяких больных и даже самых острозаразных. Не стоит и говорить, что за свой труд он не брал ни копейки. Он сумел поверить словам Христовым, которым, к сожалению, мало кто хочет

верить: даром получили благодать Духа Святого – даром и давайте ее. Благодать чудотворения далась отцу Иоанну не сразу, а после многолетнего подвижничества.

О бескорыстии и щедрости отца Иоанна ходили легенды. Каждый день он получал до тысячи писем и телеграмм, преимущественно с просьбами помолиться об исцелении больных, признанных врачами безнадежными.

С просьбами обращались не только православные, но и инославные христиане, иудеи, магометане и язычники. Обращались из всех концов России и из других стран, из Азии и даже из Америки.

Когда русские войска были в Маньчжурии, китайцы просили наших посылать «святому бонзе Иоанну», как они называли старца, телеграммы с просьбами помолиться об исцелении безнадежно больных.

На проскомидии отец Иоанн вынимал из просфор частицы и возглашал громко: «Помяни, Господи, всех заповедавших мне молиться о них», и этой краткой молитвы угодника было достаточно для исцеления тех, кто слал ему письма и телеграммы с мольбой о помощи.

От верующих стекались к отцу Иоанну такие огромные пожертвования, что за год сумма достигала трехсот тысяч рублей. Но ничего из этого не оставлял себе благородный муж, так что с полной справедливостью можно сказать о нем, что он питал голодных и одевал нагих. Получая подношение от одного лица, тут же, не заглядывая даже в конверт, вручал другому, нуждающемуся. Отдавал деньги сиротам и вдовам, больным для лечения, проигравшимся офицерам для спасения жизни и чести, разорившимся купцам и ремесленникам. Но всегда помогал истинно нуждающимся, словно видел насквозь людей. Мог из кареты выйти на улице, заметив ничем не примечательного человека в толпе, заговорить с ним, дать денег, помолиться за него, а потом становилось известно, что человек этот был на грани отчаяния. У отца Иоанна не было времени ни для обеда, ни для покоя – он был неустанно занят.

Больных подкреплял он молитвой, бедных спасал от голода, падших поднимал и несчастных утешал. Многочисленные благотворительные заведения, которые он устроил, громко говорят о его благородстве.

Отец Иоанн священствовал пятьдесят три года, был митрофорным протоиереем и членом Синода, то есть достиг высшего положения, возможного для белого духовенства.

Кроме того, отец Иоанн был пожалован императором многими орденами, среди прочих и тремя звездами: Святой Анны, Святого Владимира и Святого Александра Невского.

Отец Иоанн бывало говаривал, что эти орденские знаки отличия ему не нужны и что он их носит, только чтобы не обидеть царя, ему их пожаловавшего.

Отец Иоанн совершил немало чудес. По его молитве прекращались эпидемии: в 1900 году в Таганроге остановилась азиатская холера, на севере Новгородской губернии – сибирская язва. Раввин города Новомосковска прислал отцу Иоанну телеграмму с просьбой спасти местных евреев от холеры, и по его молитве смертельные случаи прекратились, а эпидемия быстро сошла на нет. Отец Иоанн силой своей молитвы избавлял целые губернии от засухи. Все эти случаи документально подтверждены, и имеется тому множество свидетельств.

Великим провидцем был святой Иоанн Кронштадтский. Предсказал он и гибель царской семьи, и революцию, и разрушение храмов, и красные звезды на лбах у гонителей веры, и возрождение России.

Скончался отец Иоанн 19 января 1908 года, меньше чем через столетие был причислен к лику святых, в земле российской просиявших.

Глава 1

– Ты глянь, Михалыч, опять заклинило. Дай-ка топор, подковырну, – обернулся к товарищу крупный краснолицый детина неопределенных лет, в валенках с галошами и заляпанном мятом халате поверх телогрейки. – Ты гляди, как ее за два дня заколдобило, надо бы мастера вызвать, пушай поправит, а то скоро вообще в погреб не попадем.

Мясник Семен Степанович с грохотом откинул старую, обитую войлоком и дерматином дверь ледника. Потянуло холодом, запахом плесени и гнили.

– Еле сдюжил. Держи топор, – Семен Степанович протянул сторожу топор и, щелкнув выключателем, полез в ледник за тушами. До открытия магазина был еще час, надо было вытащить и порубить хотя бы две туши, а то эта тумба, Варвара, опять разорется, что он ничего не делает и что его гнать пора, а покидать такое теплое и сытое местечко Семену Степановичу категорически не хотелось.

Пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкую притолоку, он спустился в слабо освещенный подвал, потянувшись к ближайшей туше, и уже кряхтя и тихо матерясь по привычке, собрался снять ее с крюка, когда какая-то странность привлекла его внимание. Слева на полу растеклась темная густая лужа и по неровностям пола тонким бликующим ручейком добралась почти до его галош.

– От елки, это еще что? – Семен Степанович, пригнувшись, осмотрел лужу, потом пролез между свиными и телячьими тушами и не спеша поднял голову. – Мать честная! – закрестился он размашисто, испуганно хлопая глазами. – Михалыч! – заорал он заполошным, не подходящим такому крупному и солидному мужику голосом. – Милицию зови, бабу тут убили!

– Итак, это вы нашли тело? – потирая желтоватые впалые щеки, спросил милиционер, видно, главный в бригаде – остальные бегали по подвалу, по магазину, по двору, а этот сидел у заведующей в кабинете. Горшки с цветами с подоконника сгреб и по-хозяйски окно открыл на двор. Да и то сказать – жара такая, ежели б не в ледник ходить, так и валенки не нужны, да нельзя без них, ревматизм замучил.

– Как вы его нашли, рассказывайте, – кивнул милиционер, а может, и следователь, Семену Степановичу, и тот, заикаясь и дергая полы замусоленного халата, начал:

– Пришел я сегодня пораньше, чтоб мясо нарубить, Михалыч, сторож наш, мне открыл. Он завсегда на посту, всегда сам открывает, – потянул от страха и от неуверенности, говорил Семен Степанович. – Надел телогрейку, халат и пошел, а там дверь в подвал опять заколдобило. Распухла, значит, она от сырости, дергал я, дергал, потом уж топором подковырнул.

– А что, дверь в подвал у вас на замок не закрывается? – поднял голову от бумаг следователь.

– Не-а, а зачем? Магазин закрыт, Михалыч всегда на месте, чего ее запирать? Да она и так заколдобила, без топора не откроешь, – занервничал Семен Степанович, ощущая в вопросах следователя не вполне ясную угрозу.

– Про топор я уже слышал. Откуда он, кстати? Чей? – глядя исподлобья на мясника, спросил капитан Кочергин.

Мясник ему не нравился. Впрочем, ему вообще никто не нравился. И в силу характера, и в силу здоровья.

С детства Павла Евграфовича отличала удивительная черта – он, как никто другой, умел оценивать людей при первой же встрече, с первого взгляда. Как? А бог его знает. По мелочам, наверное, по незначительным черточкам. И различал он в людях только плохое. Другое не умел. Вот, например, оценить при встрече, какой у человека характер, или темперамент, или происхождение – он не мог, а сказать, что тот подлец и враль – это пожалуйста. Или, например,

объяснить, зачем майор Порошкин врет, что у него жена пельмени готовит «пальчики оближешь» и, вообще, хозяйка первостатейная, он не мог, а что Порошкин – подлая душа и стукач, видел невооруженным глазом, причем разглядел это в первый же день, когда Порошкин у них в отделе появился. И так всю жизнь.

Из-за этой вот самой черты и друзей у капитана было мало, и холостым он живет. Хотя по молодости был женат на хорошенькой хохотушке Леночке Воробьевой из соседнего двора. Влюбился страшно, свадьбу сыграли, родители его им угол в комнате отгородили, и вроде сперва все хорошо шло, но как-то не сложилось. Как, почему? Поди разберись! Кочергин вздохнул, еще раз потер щеки и, отогнав воспоминания, взглянул на небритого неопрятного мясника, мнущегося перед ним в своих валенках.

Мясник был мелким жуликом, ленивым, пьющим, но на убийство не способным. Впрочем, как и сторож, «герой Гражданской войны». Куйбышев ему, видите ли, лично отрез на портянки подарил. Продрых, пьяная морда, все на свете, а Кочергину выясняй теперь, откуда в подвале труп взялся.

– Так откуда топор?

– Так это магазинный... Мы им дрова зимой колем, чтобы печку в подсобке топить. Холодно зимой-то, – нервничая еще больше, пояснил Семен Степанович. Не иначе, судорожно соображал, припомнят ему предвоенную ревизию или нет.

– Та-ак. Открыли, значит, дверь, – все так же потирая желтые худые щеки, бесцветным голосом продолжил следователь. – Дальше.

– Дальше? – озабоченно переспросил Семен Степанович, как замороженный рассматривая планку следовательских наград на груди. – А дальше я тушу свиную снять хотел с крюка, смотрю, лужа какая-то подозрительная. Заглянул туды, а там баба на крюке вместо туши висит, и живот распоротый. – Тут Семен Степанович не удержался и снова размашисто перекрестился, как тогда в подвале.

Зрелище было просто жуткое, Семена Степановича до сих пор передергивало, несмотря на многолетний опыт работы. До войны он еще и на бойне подвизался, но чтоб человека вот так вот, не-ет, такого изуверства он еще не видал. Они даже тяпнули с Михалычем по чуть-чуть, пока милицию ждали, да еще и молоденькому милиционеру плеснули, который на их вопли с проспекта примчался. Его, бедолагу, едва не вывернуло, когда он в подвал сунулся, до сих пор бледный на улице обретаётся.

Женщина та совсем голая висела, молодая еще, красивая, наверное, а крюк у самой шеи из-под ключицы торчал, и живот был распорот, а оттуда все потроха наружу. Жуть, одним словом.

– Вы, – следователь пошуршал листочками на столе и по слогам закончил: – Феопрепия Михайловича Ваничкина давно знаете?

– Кого, простите? – озадачился Семен Степанович, даже на минутку бояться перестал.

– Сторожа вашего, – пояснил следователь недовольно, зыря на Семена Степановича сердитым взглядом.

– Ах, Михалыча? Да уж, почитай, четыре года, как в магазин устроился в сорок седьмом, так и знаю.

– И что сказать можете?

– Да что ж тут скажешь? Человек хороший, положительный, а что пьет, говорят, так то в выходной или там по праздникам, как все, – солидно проговорил Семен Степанович, стараясь не дышать на следователя вчерашним перегаром и страшно жалея, что с утра побриться поленился, посчитал, и так сойдет, а теперь, пожалуй, и его за неблагонадежного выпивоху примут.

– Так, ладно. Еще что-нибудь сказать имеете? – хмуро глядя на Семена Степановича, спросил следователь.

– Никак нет, – коротко по-военному ответил тот и поспешно стал пятиться к выходу. А потом, замешкавшись в дверях и взглянув в желтушное лицо следователя, зачем-то брякнул: – Вам бы настой одуванчика попить, свекрови покойнице помогало. – И он шмыгнул за дверь, не дожидаясь ответа удивленного следователя. . .

– Вот, товарищ капитан, опознали! – Входя в залитый жарким летним солнцем кабинет, громогласно доложил лейтенант Алексеев, рослый, румяный, улыбочивый, совершенно неподходящий для работы в МУРе.

– Чего ты разорался, – проворчал замученный летним зноем капитан Кочергин с желтым лицом и впалыми щеками, – кого там у тебя опознали?

– Так женщину эту, что мы позавчера с крюка в гастрономе сняли, точнее, девушку! Опознали ее, сестра с матерью опознали! – не теряя оптимизма, доложил Алексеев. – Вот протокол. Артемьева Лидия Александровна, 1934 года рождения. Пропала четыре дня назад. Ушла днем из дома и не вернулась. Выпускница. Только-только школу закончила, точнее заканчивала, – тускнея на глазах, договорил Алексеев. – Павел Евграфович, кто ж ее так, а? Девчонка совсем.

– Кто? – вздыхая, эхом повторил за Алексеевым капитан. – Вот и мне интересно знать кто. Сторож – гадина пьяная – все проспал. У него под носом труп в подвале на крючок подвесили, а он проспал.

– Но ведь, Павел Евграфович, это не мог сделать посторонний. Ведь про подвал, мимо магазина проходя, не догадаешься, – присаживаясь на обитый клеенкой казенный стул, озабоченно проговорил лейтенант.

– Да в том-то все и дело. В подвале этом раньше бомбоубежище было, потом склад, сколько там за это время людей перебывало? И вход черный – вот он, в двух шагах от двери в подвал, – достал из-под бумаг план магазина капитан Кочергин Павел Евграфович, – а сторож в подсобке на другом конце магазина спал, мало что пьяный, так еще и глухой на одно ухо. Ему, видите ли, хороший слух не нужен, чай, не в филармониях работает, – зло передразнил сторожа Кочергин. – Хотя, конечно, тот, кто туда лез, был уверен, что все гладко пройдет. И, поверь мне, Коля, это был не работник магазина. К тому же экспертиза показала, что девушку сперва пытали, а потом уже едва живую в магазине на крюке подвесили и внутренности вскрыли.

– Что ж это за изверг такой, а, Павел Евграфович? – тоскливым голосом спросил лейтенант, а у самого даже слезы на глаза навернулись.

– Изверг. Причем хитрый. Ты помнишь, какой у гастронома двор глухой, с двух сторон стены, с третьей – забор кирпичный, туда всего два крошечных оконца и выходят, и те высоко, этаж пятый, – морщась, вспомнил капитан. – А дверь черного входа – одно название, что дверь. Ее даже взламывать не пришлось, так, с петель сняли, а потом назад повесили – и всего делов. Заведующей уже выговор вынесли за халатное отношение. Так что хоть и не сотрудник магазина, а порядки их хорошо знает.

– Так, значит, найдем его, Павел Евграфович? Уж больно девчонку жалко, да и мать с сестрой – вы бы поглядели, как они убивались. Это я им еще всего не рассказал, и в морге им только лицо показали, – зажав ладони между коленями и печально сведя к переносице светлые рыжеватые брови, делился лейтенант.

– Найдем его, Коля, обязательно найдем, – тяжело вздыхая, кивнул капитан Кочергин, и лицо его из бледно-желтого стало сероватым.

Глава 2

– Аристарх Николаевич, она пропала! – забыв о приветствии и захлебываясь от испуга, выкрикнул Тамерлан.

– Кто пропал? О чем ты? – озабоченно, недовольным голосом переспросил учитель.

– Она, та женщина, – взволнованно и бестолково объяснял Тамерлан, крепко сжимая телефонную трубку в потных от волнения ладонях. – Которая ненормальная, которая перенестись хотела во времени, помните? Я вам звонил еще зимой, в феврале. Вы мне еще посоветовали поморочить ей голову и готовить ритуал. Помните? Она пропала!

– Ты с ума сошел? – раздался в ответ на это отчаянный вопль тихий раздраженный голос Аристарха Николаевича. – У меня люди, прием. Пропала – найдется. За прошлые сеансы она тебе заплатила?

– Да нет. Здесь другое, – пытаюсь совладать с собой, проговорил Тамерлан и перешел на тревожный, испуганный шепот. – Она пропала совсем. Ее нигде нет. Уже четыре дня с той ночи, как мы провели ритуал. Мне кажется, – проговорил он неуверенно, сомневаясь сам в себе, – она перенеслась. Туда.

– Это возможно, – сделав глубокую, судорожную затяжку и выпустив густую сизо-голубую струю дыма, дама отвернулась от окна. – Я читала. Я много читала об этом, и я хочу попробовать.

Тамерлан смотрел на странную посетительницу почти с испугом. За его недолгую карьеру экстрасенса с настоящими психами ему иметь дело еще не приходилось, хотя Аристарх Николаевич и предупреждал, что подобных встреч не миновать.

Дамочка записалась к Тамерлану заранее, разыскала его через каких-то знакомых, широкой рекламы в прессе и Интернете он пока не давал. Побаивался, не хватало уверенности, все боялся не справиться, не оправдать, опозориться. Очень боялся насмешек. Все-таки возраст, да и вообще не чувствовал он себя этаким Гудвином, великим и ужасным. Чувствовал он себя исключительно Тамерланом Александровичем Татищевым, двадцати двух лет от роду. Человеком, носящим странное имя, но вполне обыкновенным, хотя и наделенным некоторыми способностями, которые он усердно развивал.

А вот гостя его была совершенно неординарной и, как уже заключил Тамерлан, даже пугающей.

Вся в черном. Длинное строгое платье, отделанное по вороту тонким, пожалуй, даже ветхим кружевом, перчатки тюлевые, шляпа с вуалью, жакет какой-то нелепый. Явно косит под старинную моду, в которой Тамерлан ничего не смыслит, но что-то такое историческое угадывается. Сумочка у нее крохотная, какая-то дореволюционная, с вышивкой. А еще длинный мундштук, сигареты едкие, дышать уже нечем в кабинете.

Тамерлан прокашлялся и, придав лицу задумчивое, значительное выражение, как учил поступать в минуты затруднений Аристарх Николаевич, проговорил, глядя в хрустальный шар и растягивая слова.

– То, о чем вы просите, почти невозможно. Архисложно и почти никем не практикуется. – Короткий пронзительный взгляд на собеседницу.

– Но вы мне поможете? – резко обернулась к нему от окна гостя, и Тамерлан еще раз удивился, до чего же дряблая у нее шея. Лица своей гостыи он почти не видел, оно было скрыто вуалью, к тому же она все время стояла возле окна, против света, так что виден был лишь ее силуэт, а то и вовсе поворачивалась лицом к окну. А вот фигура у нее была крепкая, стройная. Со спины ей можно было бы дать лет тридцать пять, может, сорок с хвостиком.

Трепет, который он испытывал перед гостьей, мешал Тамерлану сосредоточиться и просканировать ее.

– Прежде чем я отвечу, мне надо точно знать ваши мотивы. Это простой каприз, прихоть? – Изящество и изысканность выражений были таким же неотъемлемым атрибутом работы Тамерлана, как и хрустальный шар. – Зачем вам потребовалось перемещение в пространстве и во времени?

«Ты пойми, – учил его в свое время Аристарх Николаевич, – весь твой облик, манеры, голос – все должно выдавать в тебе человека особенного, необыкновенного, стоящего над толпой. Вне ее. Тогда людям будет легче поверить в твои способности, в твою избранность, а это уже половина успеха. К тому же наши клиенты – в основном женщины, а они ценят изящество манер, даже если сами сопливый нос подолом вытирают и без мата простой мысли выразить не умеют».

Тамерлан его слушался.

– Только во времени! И это не каприз, это необходимость! – страдальческим, глубоким голосом простионала гостья. – Я заплачу, много заплачу, у меня есть ценные вещи, я все продам! Перенесите меня туда! Умоляю! Хотя бы на сутки!

Тамерлану на минуточку показалось, что она сейчас рухнет на колени и примется заламывать руки а-ля немое кино. Не рухнула. Видно, побоялась, что не встанет.

– Объяснитесь, – коротко велел Тамерлан, решив, как показывал учитель, выжать из ситуации максимум возможного при минимальных рисках.

– Я читала, что в этом самом месте, возле этого самого дома есть временной портал. На углу Вспольного и Малой Никитской. Там часто слышат шаги, голоса, звук подъезжающей машины. Говорят, там даже пропадали люди, – шагая вдоль окна, взволнованно рассказывала гостья. – Я пыталась сама это сделать, но ничего не выходит. Мне нужна помощь.

«Точно, сумасшедшая», – заключил Тамерлан. Перенестись в 1951 год к дому всенародного палача Берии может захотеть только псих. Она бы еще возжелала перенестись на Гревскую площадь в эпоху изобретения гильотины. А может, она отомстить решила Берии за репрессированных родных? Родителей, например. Она уже старая, ей терять нечего, думает, перенесусь назад в прошлое и пальну в него, сразу за все поквитаюсь, посетила Тамерлана догадка, высказывать которую он не торопился. Только вот почему в 1951-й? Логичнее было бы в 1930-е, чтобы еще на взлете ликвидировать этого гада. А в 1950-х его ведь и так свергнут и даже расстреляют.

– Этого недостаточно. Мне нужно знать мотивы, – проговорил он вслух. – И потом, вы отдаете себе отчет, что переход во времени не сделает вас моложе?

– Разумеется, – решительно кивнула экзальтированная особа. – Это не нужно.

– В таком случае повторюсь. Зачем вам все это понадобилось? – проявил настойчивость Тамерлан.

– Мне необходимо вернуть одну вещь, фамильную ценность, это вопрос жизни и смерти, – тем же слегка истеричным тоном сообщила гостья. – Обещаю, что расскажу вам все, если вы пообещаете мне исполнить мою просьбу, – продемонстрировала завидное здравомыслие дама. – Итак, вы беретесь?

Тамерлан откинулся на спинку кресла, высокого, старинного. Такое, кажется, называют вольтеровским. Подарок Аристарха к началу его самостоятельной карьеры.

– Мне надо подумать, я должен посоветоваться. – Тамерлан сделал неопределенный жест рукой, указуя на высшие сферы. – Приходите в среду, я дам вам ответ, – уже иным, решительным, тоном распорядился ученик чародея, всем своим видом давая понять, что сеанс окончен.

К слову сказать, за этот пустой разговор гостья заплатила пять тысяч рублей. Тамерлан довольно крякнул. Это вам не в офисе за тридцать тысяч в месяц надрываться, ухмыльнулся он, едва за гостьей закрылась дверь кабинета, и потянулся за телефоном.

– Ну, брат, если грамотно дело повернуть, с нее можно тысяч пятьдесят выкачать, а то и больше, – вальяжно протянул Аристарх Николаевич, выслушав Тамерлана. – Насколько она платежеспособна?

– Сказала, ничего не пожалеет, а ценные вещи у нее есть, – наморщив лоб, припомнил Тамерлан.

– Что ж, батенька, поздравляю с первым жирным барашком, – добродушно пошутил учитель. – Значит, так, поройся в литературе, поищи технологии, обряды, дополни, углуби, доработай, добавь антуража, выбери что-нибудь поэффектнее, поинтеллектуальнее. Проведи с ней парочку подготовительных сеансов, а затем отправляй.

– Куда? – вытаращился на телефонный аппарат Тамерлан, силясь отыскать в словах Аристарха подвох.

– В прошлое, куда же еще, – усмехнулся учитель.

– Это шутка? – решил уточнить на всякий случай Тамерлан, не уловив в голосе собеседника иронии.

– Отнюдь. Переброска, конечно, успехом не увенчается, но это уж не твоя вина, – вздохнул с сожалением Аристарх. – Карма, слишком густая аура, негативные мысли, а процесс архи-сложный. Очень длительный подготовительный период и так далее и тому подобное. Повторить обряд можно не раньше чем через полгода, естественно, с предварительной подготовкой. Ну, ты понимаешь...

Тамерлан понимал. Вот ведь счастье ему привалило – и он алчно потер руки, не чувствуя никаких угрызений совести. Но на всякий случай спросил:

– А такое в принципе возможно? Кто-нибудь такое делал?

– Не слышал. Думаю, столь сложная манипуляция и Юрию Лонге была бы не под силу. Может, кто из старцев мог? – с сомнением проговорил Аристарх. – Но это уже по другой епархии. – Потом хохотнул и повторил: – Вот именно, по епархии.

И теперь она пропала.

Зоя видела этого мальчика насквозь: его неуверенность, искусственность жестов, понимала всю безнадежность своей попытки. И не могла заставить себя уйти.

От мальчика исходила физически ощутимая волна внутренней энергии, у нее даже кончики пальцев пощипывало. Кажется, он сам не догадывается о своих возможностях, а вот Зое они уже очевидны, столько она перевидела за последние полгода ведуний, ведьм, колдунов, экстрасенсов. Некоторые были по-настоящему сильны, другие выглядели откровенными шарлатанами, но никто из них не согласился ей помочь. Никто.

Этот мальчик был последней надеждой. Она должна вернуть святыню. Это ее долг, ее крест, ее ноша. Зоя встряхнулась и отвернулась от окна. Промозглый февральский день клонился к вечеру, и жемчужная пелена мороси, скрывавшая от нее горизонт, стала утрачивать романтическую прозрачность.

– Итак, вы мне можете?

Мальчик с красивым именем Тамерлан с густыми черными волосами и светлыми глазами, такими же жемчужно-серыми, как дымка за окном, отвел от нее взгляд и глубокомысленно взглянул в хрустальный шар. Интересничает. Но ей все равно, лишь бы он смог. А все эти кривляния, таинственные взгляды – все это детское, напускное. А сила у него есть, есть, она чувствует. «Ну, помоги же мне!» – заклинала она мысленно мальчишку, пока не почувствовала, что он согласится.

– Мне надо подумать, я должен посоветоваться, – указал рукой в глубины невидимого космоса юный чародей, и Зоя сразу успокоилась. – Приходите в среду. Я дам вам ответ.

Разумеется, она придет.

Глава 3

– Машку Семизерову не видели? – Таисия заглянула в буфет, где несколько сотрудников редакции уже закусывали. – Ей рецензию сдавать, а она как сквозь землю провалилась. Ее уже Гандшина спрашивала.

– Отсыпается небось твоя Машка после рецензирования! – неприлично громко, с намеком на скабрёзность хохотнул Алик, тонкий знаток авангардного театра, точнее, его закулисья. – Наверняка до утра проработала в тесном творческом соавторстве над рецензией, а теперь похмельем страдает. К обеду объявится, не мельтеши. Ты лучше скажи, как тебе вчерашний матч? – хватая за рукав собравшуюся уходить Таисию, спросил Алик.

– Козлы! Паразиты! – тут же забыла о своих намерениях Таисия. – Это ж надо так бездарно продуть! – Она хлопнула по столу рукой и плюхнулась на свободный стул.

– Не говори! А как тебе гол на последней минуте? – включился в разговор Иван Рыбин из соседней редакции. – Да за такие бабки, что получают, они должны носом землю рыть!

– Зажрались. Я всегда говорила, что им зарплату надо урезать, а премиальные за выигранные матчи повесить. Вот тогда они будут зады рвать, а не спать на поле! – горячо поделилась своим мнением Таисия. – Все нервы вытрепали, хоть телевизор не включай!

– А я вот думаю, что премиальные не помогут, – покачал головой Олег из журнала «Охотники и охота», базировавшегося на одном с ними этаже офисного центра.

Разгорелся жаркий спор, каждый из присутствующих отстаивал собственный рецепт оздоровления отечественного футбола.

Когда стало ясно, что мнения болельщиков окончательно разошлись, они молча развернулись в разные стороны.

Таисия была страстной болельщицей. У нее не было старших братьев, впрочем, и младших тоже, которые могли бы пристрастить ее к игре, она была не замужем и проживала вдвоем с мамой. Но она обожала футбол!

Почему? Трудно сказать. С одной стороны, Таисии была интересна игра, с другой – ей было куда интересней обсуждать с мужиками на работе футбол, чем с девицами тряпки, шляпки и кавалеров, которых у самой Таисии, к слову сказать, не было вовсе. А если заглянуть еще глубже, то Таисии казалось, что такое увлечение позволяет ей быть не такой несчастной в глазах окружающих. Старая дева с футболом выглядит не так жалко, как старая дева с котами и мулине.

Таисия хмуро взглянула на собеседников, зачерпнула из плошки орешков и молча покинула буфет.

И куда эта Машка запропала? Может, и впрямь проспала? Раньше с ней такого не случилось, девица она дисциплинированная, но мало ли что? Может, заболела? Тогда почему мобильник отключен?

Таисия в пятый раз за день набрала Машкин номер.

В принципе, заболела Машка или нет, сдаст она вовремя рецензию или получит по шее от главреда, – не ее, Таисии Конопелькиной, дело. С Машкой они никогда особо не дружили, даже приятельницами не были, просто коллеги. Но так уж была устроена Таисия, что не могла не влезть не в свое дело. Не могла, и все тут. Тасина мама часто говаривала, какое это счастье, что они живут в отдельной квартире! Жили бы в коммуналке – соседям от Таисии покоя бы не было. Ее интересовало все: ремонт труб в подъезде, собрание в жилконторе, роман замдиректора с главным бухгалтером, прибавка к пенсии уборщицы Зои Петровны, хронические аденоиды у сына Вики Литвиновой, пьющий свекор Римки Барышевой и прочее, и прочее. Причем интерес ее был не праздным, а деятельным. Она не просто слушала про аденоиды, а искала хорошего лора, активно отстаивала права собственников в жилконторе, звонила в пенсионный

фонд, чтобы уточнить размер прибавки к пенсии для Зои Петровны. Поэтому, наверное, у Таисии и личной жизни не было – потому что была насыщенная чужая жизнь по соседству, а вовсе не потому, что она носила одежду немодного пятидесятого размера.

Машка не отвечала. Может, домой к ней смотаться? Вдруг случилось что-то, все-таки она одна живет, озабоченно размышляла Таисия.

К обеду Маша Семизерова не появилась. На следующий день тоже. Телефон ее не отвечал. Дома ее не застали. Таисия Конопелькина два раза ездила.

Куда подевалась сотрудница музыкальной редакции журнала «Искусство для искусства», было не ясно.

Но самое отвратительное, что никому до этого не было дела. Никому, кроме Таисии.

– Ой, да расслабься ты, – отмахивались от нее одни. – Может, с любовником на море укатила, вернется, больничный предъявит, и всего делов.

– Да может, она к родителям умотала, а нас в известность не поставила, – пожимали плечами другие.

Но Тася чувствовала: дело тут не чисто. Шел третий день, от Семизеровой не было ни слуху ни духу. Надо звонить родителям. Или не надо? Вдруг с Машкой все в порядке, а она пожилых людей до обморока доведет? В редкие моменты сомнений Таисия предпочитала советоваться с мамой.

Мама работала учителем в музыкальной школе, которую в свое время окончила и Таисия, и возвращалась домой поздно, так что до ее прихода Таисия успела приготовить ужин.

– Даже не знаю, – задумчиво проговорила мама, и между бровей ее залегли две строгие морщинки. – Было бы неплохо для начала разыскать ее подруг. Родителей тревожить – это последнее дело. Ты подумай, что бы со мной было после такого известия? – вздохнула она протяжно и звонко хрустнула долькой морковки. – Хотя и затягивать не стоит.

Вымытая, вычищенная, нарезанная дольками морковь, свежие огурцы, стебли сельдерея и листья капусты были художественно разложены на красивом фарфоровом блюде посередине кухонного стола и составляли основную часть Тасино ужина. Таисия в очередной раз худела. Художественное оформление должно было пробудить аппетит и вызвать у сотрапезников хотя бы эстетическое наслаждение.

Не вызывало. Таисия, тяжело вздохнув, потянулась к блюду и ухватила бледно-зеленый стебель сельдерея.

– Может, стоило все это в салат покрошить? – с сомнением спросила мама, глядя в страдальчески сморщившееся лицо дочери.

– Ага, и сметанкой двадцатипроцентной заправить, и хлебушка свежего ржаного вприкуску, а на завтра плюс триста граммов, – буркнула, страдальчески скривившись, Таисия. – Нет уж! А насчет подруг ты права. Разыщу. А главное, надо выяснить, с кем она встречалась накануне, кто видел ее последней! – загорелась Таисия и, прихватив три морковки и кочерыжку, поспешила к себе.

Анна Аркадьевна лишь покачала головой вслед дочери. Не такой она представляла себе ее будущее лет двенадцать назад.

В детстве Тася была звездой. Десять лет назад она организовала в музыкальной школе детский оркестр, была его дирижером, идейным вдохновителем и гордостью музыкальной школы. Про оркестр даже в газетах писали, его по телевизору показывали, а гастроли, а конкурсы? Коллеги поздравляли Анну Аркадьевну, прочили Тасе большее будущее. Потом было музыкальное училище, потом почему-то журфак, потом это дурацкое издание – «Искусство для искусства». Кто только придумал это нелепое, вычурное название? Впрочем, вполне в духе времени. Напыщенно, бессмысленно, форма ради формы. И никакого содержания. На него девочка тратит свое время, свой талант, вздыхала Анна Аркадьевна. А главное, что личной жизни у дочери совсем нет. И диеты не помогают. Да не в диетах дело.

Анна Аркадьевна с тоской осмотрела стол, встала, достала из холодильника куриную грудку, банку сметаны, чеснок и принялась готовить нормальный ужин. Тася хоть и поворчит, но потом поест. А то придумала – сыроедение. Чушь. Сейчас девушки с формами снова в моде.

А про личную жизнь...

Анна Аркадьевна вспомнила, как по молодости они с подругами сплетничали о неустроившихся, не нашедших личного счастья приятельницах, как осуждали их за разборчивость, нерешительность, за привязанность к маминым юбкам и излишнюю скромность. И вот сейчас по прошествии десяти-пятнадцати лет сама Анна Аркадьевна неожиданно и необъяснимо превратилась в мать неустроенной великовозрастной дочери, не имеющей личной жизни и практически потерявшей надежду эту самую жизнь устроить. Ужасно. И не понятно, чем помочь ребенку. Может, квартиру разменять, предоставить ей больше свободы, чтобы девочка строила личную жизнь без оглядки на мать, мучительно размышляла Анна Аркадьевна, переворачивая курицу на сковородке, пока Таисия с упоением занималась поисками Маши Семизеровой. С упоением, потому что в конце мая – начале июня Таисию всегда мучила смутная тоска. Именно в эти месяцы волшебного цветения, яркого солнца, свежей зелени и первого тепла она особенно остро ощущала свою некрасивость и одиночество. Кругом закручивались новые любовные романы, цвели сирени и девушки, глаза мужчин светились особой весенней заинтересованностью. Но все это проскальзывало мимо Таисии, словно она смотрела на жизнь из-за стеклянной витрины. И хотя она никогда и никому не призналась бы в этом, чувствовала Таисия себя униженной и ощущала в эти месяцы, как жизнь ее утекает в небытие, бездарно, бессмысленно, по часам и минутам, самое чудесное и драгоценное время испаряется бесследно, впустую, без впечатлений, без радости, без надежды.

Так что поиски Машки Семизеровой пришлись как нельзя кстати, они займут ее мысли, отвлекут от бурлящей вокруг жизни, позволят с головой уйти в чужие проблемы и забыть о собственных.

Глава 4

Маша шагала по горячей летней мостовой, звонко стуча каблучками, чтобы не было так страшно. Она не любила ночные прогулки, не любила этот город и немного боялась его. Такой огромный, такой чужой, шумный, с широкими проспектами, запутанной, похожей на паутину гигантского паука подземкой, с немыслимыми расстояниями, вечными пробками. Иногда Машке до слез хотелось все бросить и вернуться домой. Но этот шаг стал бы признанием собственного поражения, слабости, несостоятельности. Недопустимо. Немыслимо. Невозможно.

Нет, после ее отъезда из дома два года назад, обставленного с такой помпой, о возвращении обратно и речи быть не могло. Хотя бы из-за родителей. Упрекать ее, конечно, они не будут, но жалость и перешептывания за спиной еще отвратительнее. А еще неизбежное «доченька, я же предупреждала».

Маша свернула в Гранатный переулок и, легко перескочив лужу, вспорхнула на тротуар. После дождя дышалось легко, пахло свежей зеленью и липовым цветом, воздух был приятный, влажный, а не сухой, пропаренный зноем, как в Сахаре. В Петербурге такая жара была редко, а в Москве – пожалуйста. Еще только начало июня, а Маша уже до смерти соскучилась по осени. Сегодняшний дождик показался ей просто манной небесной после трех недель удушья жары. Маша вздохнула поглубже и почувствовала, что даже плечи ее расслабились, а сжатые крепко в карманах юбки кулачки разжались. И что она, дуреха, так дрожит? Все-таки центр Москвы, а не окраина какая-нибудь безвестная типа Бирюлева. Там она, кстати, до сих пор еще не бывала, только слышала о нем. Да и невелика потеря.

Вот и Вспольный переулок, короткая перебежка до Малой Никитской, а там уже и Большая Садовая, и, если повезет, она сядет в троллейбус и проедет пару остановок до дома. А может, и такси попадет. Такси, конечно, надо было вызвать заранее, еще от Лариски, но у той вечно такой тарарам, никогда с мыслями собраться не удается, и так она в гостях засиделась. Лариске хорошо, отоспится завтра, а вот ей, бедняжке, с утра на работу. Лариса была актрисой, причем вполне успешной, хотя до звезды ей было еще далеко, жила на Спиридоновке, до Машиного дома рукой подать, полчаса быстрым бегом, и вечно она у подружки засиживалась.

Как же на улице-то пусто! И вроде не поздно еще, только без пятнадцати два. И фонари светят как-то подслеповато, и мало их, и ни одной живой души вокруг. Тревога, недавно покинувшая Машку, снова отозвалась будоражащей, пощипывающей дрожью. Да что с ней сегодня? Что, она раньше по ночам не гуляла? Запросто, и в Москве тоже, и от той же Лариски не раз возвращалась. Может, это просто нервы? Машка оглянулась. Гранатный переулок, название какое красивое, был по-прежнему пуст, новые жилые дома за оградой мирно спали, потушив глаза-окна.

Маша свернула во Вспольный и тут же услышала шаги. Тихие, словно издалека. Вспольный переулок, застроенный невысокими, старыми домами, такой уютный при свете дня, ночью выглядел глухо и неприветливо, угрюмый, настороженный, и ни одного жилого дома рядом. Шаги крались у Машки за спиной, подбираясь все ближе, шелестящие и оттого еще более пугающие. Но Машка, мужественно расправив плечи, панике решила не поддаваться, а просто прибавила шагу, стремясь поскорее добраться до Большой Садовой. Шаги стали быстрее, громче. Маша пошла еще быстрее, почти побежала, даже в боку закололо и икроножные мышцы свело от усилий. Бежать было бы легче, но бежать отчего-то казалось стыдным, точнее, неудобным. Дико в этом признаться, но Маша своим бегом боялась оскорбить идущего следом человека. А вдруг он никакой не маньяк, а просто случайный прохожий? А еще она боялась показаться смешной.

За углом на Малой Никитской послышался шум подъехавшей машины, потом – голоса, женские, переливчатые, и немного развязный смех. Похоже, что развеселая компания высы-

пала из машины на тротуар, и Машка, ободренная этими звуками, поспешила прочь из переулка. Кто бы ее ни преследовал, она его больше не боится.

Выскочив из-за угла, Машка почти затормозила от растерянности. Улица оказалась темной, от асфальта парило, густая дымка стелилась над тротуаром, словно туман над болотом, высоко не поднимаясь. Слабый желтый свет лился из подъезда голубого особняка, стоявшего на углу Малой Никитской и Вспольного переулка, едва достигая края тротуара. Никакой машины не было. Спешившие за ней шаги смолкли, словно увязнув в этом странном парящем мареве. Машке отчего-то стало не по себе, она поспешила в желтое пятно света и едва успела затормозить перед невысоким лысым мужчиной. Откуда он взялся? Из тумана, наверное, а вон и машина черная, потому и не заметила ее сразу. Мужчина поддерживал под локотки сразу двух подвыпивших девиц, точнее, они на нем висли. Сперва Машка их не заметила, ей показалось, что на улице уже никого нет, наверное, со страху. Девицы были ярко размалеванными, в каких-то нелепых нарядах, одна даже с драной кошкой на плечах. Возле мужчины тут же появился охранник, угрюмый такой тип, одетый в несуразно широкие брюки. Вообще компания выглядела странновато, и Машка собралась ее поскорее обойти, но встретилась взглядом с лысым и почувствовала какую-то предательскую слабость в коленках, голова закружилась. И запах – сладкий, тошнотворный, духи, что ли, такие? Смех девиц вдруг показался каким-то очень далеким, а вот темные пронзительные глаза за стеклами круглых немодных очков, наоборот, очень близкими и даже огромными, а потом все закружилось, помутнело... И эти шаги...

Глава 5

– Я экстрасенс, – озабоченно глядяваясь в переулок, ответил парень.

– Экстрасенс? – криво ухмыльнулась Таисия.

– Не похож? – Парень тряхнул своими ухоженными, модно подстриженными волосами, внимательно взглянул на Таисию и проговорил в подтверждение своих слов: – Ты очень хочешь похудеть, потому что думаешь, что похудение решит все твои проблемы.

– Гениально! – фыркнула Таисия. – Да такое откровение может выдать любой обыватель со средним уровнем интеллекта. Все толстые хотят похудеть, незамужние – выйти замуж, бедные – стать богатыми, а больные – здоровыми.

– Все нет, – спокойно возразил парень, продолжая озабоченно осматривать особняк и тротуар возле него. Разговор происходил на углу Вспольного и Малой Никитской. – Не все хотят похудеть и далеко не все стремятся замуж. Некоторые люди вполне довольны своим положением и не желают перемен. Ты – другое дело. Но, знаешь, должен тебя огорчить, диеты тут не помогут, – завершил он равнодушным, бесцветным голосом.

– Да? А что так? – тут же поджала раздраженно губы Таисия. Ишь ты, эксперт выискался, экстрасенс недоделанный, сам вчера манную кашу с губ стер, а уже ее жизни учит.

– Твой вес – проблема глубоко психологическая. – Парень снова посмотрел на Таисию. – Ты его носишь на себе, словно панцирь, для самозащиты и ни за что с ним не расстанешься. Ты прячешься за своим весом, как за щитом. Или как маленький ребенок, который боится темноты и прячется от нее под одеялом.

– Это что еще за чушь? – От неожиданности Таисия даже злиться перестала. – Я им прикрываюсь? От чего? Что за бред? Я самодостаточная, успешная, независимая личность!

– Хм, это не бред, – медленно проворил экстрасенс, продолжая изучать Таисию, словно редкое насекомое. – У тебя в жизни была какая-то травма. – Парень впился в Таисию пристальным, пронизывающим взглядом, ей даже померещилось, что он в ее мозгах копошится. – Тебя бросил отец, точнее, твою мать, но ты восприняла его уход на личный счет, он ушел от вас, когда тебе было... лет десять. Его уход очень ранил тебя, глубоко ранил, – словно зачитывая вслух анамнез, бубнил он ровным, лишенным эмоций голосом. – С тех пор ты перестала доверять людям, особенно мужчинам, и твой вес – это подсознательная попытка защититься от новой травмы. Пока ты с этой проблемой не разберешься, никакие диеты не помогут, – уверенно заключил малолетний аферист.

– Ну знаешь! – задохнулась от возмущения Таисия. – Это тебя придурок Алик послал, да? Так вот, передай ему...

– Никто меня не посылал, – перебил ее парень, возвращаясь к созерцанию переулка. – Я здесь по собственной инициативе. Мне человека найти нужно.

И разговор со странным парнем, и сама их встреча были до крайности нелепыми. Сегодня днем Таисия как раз выяснила, где и с кем провела вечер накануне своего исчезновения Маша Семизерова. Пропавшая Машка была на вечеринке у молодой успешной актрисы Ларисы Алевой. Ушла оттуда в полвторого ночи и пешком отправилась к себе на Большую Садовую. Одна. Это подтвердили несколько свидетелей, Таисия специально съездила в театр, поговорила с артистами, бывшими на той самой вечеринке. А сейчас после разговора с самой Алевой Таисия решила пройтись по Машкиному маршруту в виде следственного эксперимента. Наткнуться на залитый Машкиной кровью тротуар или чистильщика обуви, видевшего, как четыре дня назад неизвестный маньяк душил Машку в подворотне, она, конечно, не надеялась, но мало ли – какая-нибудь зацепка попадется. Попался высокий молодой парень, с озабоченным видом изучающий тротуар и стены особняка и пристально осматривающий окрестности.

У Таисии при виде парня отчего-то родилась глупая мысль, что он исследует место преступления, и она со свойственной ей прямоотой и естественным простодушием спросила:

– Вы из полиции? Место преступления изучаете?

Парень не удивился. Мельком взглянув на Таисию, заявил, что он экстрасенс, так и завязался их странный разговор. Оставалось только не совсем понятным, как Алик узнал, что Таисия после встречи с Алеповой отправится на Малую Никитскую. Но последние слова липового экстрасенса снова заставили Таисию насторожиться.

Ему человека найти нужно?

– Чего тебе здесь нужно? – Таисия уперла руки в крепкие, упитанные бока и попыталась быстренько придумать, как расквитаться с шутником Аликом и с этим скоморохом, но так, чтобы вышло умно, достойно, интеллигентно и без мордобоя. – И этот человек женщина? – ехидно спросила она.

– Точно, – кратко бросил ей в ответ парень, сверля глазами тротуар.

– И зовут ее Мария, – певуче проговорила Таисия.

– Нет. Зовут Зоя. Зоя Борисовна.

Зоя Борисовна? Это должно быть смешно? Таисия взглянула на парня с сомнением. Тот вообще ее больше не замечал, а стоял с закрытыми глазами, приложив ладони к стене. Информацию считывает, шарлатан малолетний. В экстрасенсов Таисия не верила, вероятно потому, что еще не потеряла надежду самостоятельно разобраться с собственными проблемами.

– Тебя как зовут? – спросила она после недолгих раздумий.

– Тамерлан, – отрываясь от стены, полным унылого разочарования голосом ответил экстрасенс.

– А по-настоящему? Я, знаешь, во все эти ваши штучки все равно не верю, так что как тебя по паспорту зовут? – более дружелюбно спросила Таисия.

– Я по паспорту Тамерлан. Мама соригинальничала, – повернулся к ней парень. – Тамерлан Татищев. А ты?

– Таисия. И я тоже по некоторому совпадению ищу здесь человека. Девушку, зовут ее Мария.

– Быть не может! – мгновенно утратил вялую апатию парень. – Она прямо здесь пропала? Когда?

– Ну... – замялась Таисия. – Не совсем здесь, но она шла домой от подруги и по дороге пропала. Где-то на отрезке от Спиридоновки до Большой Садовой.

– Да ты что? – еще больше разволновался экстрасенс. – Когда это было?

– Да уж пять дней назад. Точнее, четыре. Пропала она ночью, – пояснила Таисия, заражаясь волнением Тамерлана.

– Так, та-ак, так, – парень нервно забегал по тротуару.

– А что, собственно, происходит? Твоя тоже здесь исчезла и тоже четыре дня назад?

– А? – оторвался от своих мыслей экстрасенс. – Да. Четыре дня назад и, кажется, здесь. Хотя... Я ничего не чувствую, абсолютно! – в отчаянии воскликнул он. – И что я столько времени тянул? Надо было сразу сюда бежать!

– А почему ты тянул? И откуда ты знаешь, что именно здесь они пропали? Что вообще с ней случилось, с твоей девицей? Может, их вместе похитили? – все больше волновалась Таисия.

– Она не девица, точнее, она уже в возрасте, – автоматически поправил Тамерлан. – Да не похитил их никто! Это был переход, и вполне может быть... Ну, в общем, что твою тоже затащило совершенно случайно!

– Что за бред, какой переход, куда затащило? Можешь ты как человек выражаться?

– Слушай, – как-то неуверенно и даже смущенно проговорил экстрасенс, – у меня тут офис недалеко, может, поедem и там беседу продолжим? Я на машине. Здесь народ толкается,

спокойно не поговоришь. – Он красноречиво взглянул на текущую мимо них плотную толпу мужчин, женщин, детей, спешащих, толкающихся, треплющихся по телефону.

– Ладно, поехали, если недалеко, – поправила здоровенный баул под мышкой Таисия. Маленькие дамские сумочки у нее отчего-то не приживались.

Пикнул и мигнул фарами навстречу протянутому Тамерланом брелочку новенький «Форд Фокус».

«Хорошо живут экстрасенсы, даже такие сопливые», – отметила про себя Таисия и полезла в машину...

– В общем, так, – устроившись за своим рабочим столом и обняв ладонями чашку с чаем, проговорил Тамерлан. – Ко мне эта тетка еще в конце зимы обратилась: «Перебросьте меня в 1951 год к дому Берии. Мне очень нужно». Я, понятное дело, сперва не соглашался, да и трудно это. Я, честно говоря, никогда подобное не пробовал, никто из знакомых тоже. Но она так пристала, что я решил попытаться, – несколько сместил акценты Тамерлан. – Порылся в литературе, провел глубокие исследования, кое-что доработал, хотя в успех до конца все равно не верил. А четыре дня назад провел ритуал. Завершить его должна была она сама, на том самом месте. И вот...

– Что вот? – скептически глядя на молодого шарлатана, уточнила Таисия.

– Кажется, она перенеслась, – не очень уверенно проговорил Тамерлан. – Ее нигде нет. Она как сквозь землю провалилась, ее с той ночи никто не видел, – уже другим, взволнованным, уверенным голосом закончил он.

«Та-ак, либо дурак, либо хитрый шарлатан», – решила про себя Таисия, но беседу решила продолжить.

– Значит, ты общался с ее родственниками, и они в один голос заявляют, что дамочка пропала? Кстати, сколько ей было лет?

– Где-то около пятидесяти-шестидесяти. Не могу же я такой вопрос женщине задавать, – сердито фыркнул Тамерлан.

– А что, на глаз слабо было определить? Ты же у нас и более сложные диагнозы ставишь, – не упустила случая подколоть его Таисия.

– Да я просто не задавался таким вопросом, – отчего-то краснея, ответил молодой экстрасенс. – А что касается родственников, так она одна жила. Я с соседями ее разговаривал, и телефон ее домработницы раздобыл, та тоже ее найти нигде не может.

– Так вы бы ее в розыск объявили, – предложила Таисия. – А кстати, ты в морги и больницы звонил? Мало ли что? Может, ей после твоих ритуалов с сердцем плохо стало и ее с инфарктом или того хуже с инсультом в больницу забрали?

– Домработница звонила. Ее нигде нет, – недовольно буркнул Тамерлан. Все земное и обыденное, вероятно, нисколько его не вдохновляло.

Таисия посмотрела на парня с сомнением. Потом окинула внимательным взглядом просторный, добротнo обставленный кабинет, вспомнила приемную, симпатичную секретаршу, взглянула на самого – ухоженного, стильно и дорого одетого экстрасенса и саркастически спросила:

– Ты хочешь сказать, что действительно веришь во всю эту чушь с переносом во времени? Ты действительно вообразил себя магом и волшебником?

– Ты все еще не веришь? – с обидой в голосе спросил Тамерлан. – Жаль, я сегодня прием отменил, ты бы посмотрела, сколько ко мне людей за помощью приходит! И, между прочим, не по одному разу!

– Ага, людей. Глупых баб, которым бабки девать некуда. Деньги есть, ума нет, и скука смертная. Почему бы к экстрасенсу не сходить, к тому же он та-акой хорошенький! – жеманным голосом завершила свою насмешливую тираду Таисия.

Тамерлан даже не сразу нашелся, что ей ответить, потому как по большому счету Таисия была права. Но все же, проглотив обиду, проговорил:

– Я, между прочим, не только богатеньких дур ублажаю, но и реально людям помочь могу, – и добавил уже не без ехидцы: – Вот, например, если ты разыщешь своего отца, поговоришь с ним начистоту и простишь его, то жизнь твоя сразу же начнет меняться. И не только в плане веса.

– Чего его искать? Он с новой семьей в Черемушках живет, – пожалала плечами Таисия. Сдержалась, не выдавая внутреннего возмущения, хоть ее и передернуло от такого беспардонного вмешательства в свою жизнь.

– Вот и поговори с ним, выскажи ему все и послушай, что он ответит.

– Мерси за совет. Пожалуй, не буду вас более отвлекать от возвышенных исканий, – стала подниматься из удобного гостевого кресла Таисия. Никакого смысла в дальнейшем общении с заносчивым сопляком она не видела.

– Подожди, а как же твоя пропавшая? – встрепенулся Тамерлан. – Ты же еще ничего не рассказала!

– Поверь мне, к перемещению во времени ее исчезновение отношения не имеет, – насмешливо ответила Таисия, одергивая юбку.

От спорных комментариев Тамерлан предпочел удержаться, а заговорил нейтральным деловым тоном, стремясь удержать Таисию. В ее присутствии он чувствовал себя отчего-то спокойнее и увереннее. К тому же она оказалась фактически единственным человеком, кроме Аристарха, которому он поведал о своей проблеме. Даже маме не решился.

– Допустим. Но все же согласись, два человека почти одновременно исчезают в один и тот же день в одном и том же месте – не может же это быть обычным совпадением, даже с сугубо материалистической точки зрения?

С этим Таисия не могла не согласиться. Какая-то связь между этими двумя событиями должна была быть. Вопрос в том, какая.

– Ладно. Как звали твою пропавшую, сколько лет, где жила? Попробуем выяснить, не было ли между ними связи, – проворчала Таисия, усаживаясь назад в кресло и доставая блокнот.

– Хорошо. – Тамерлан открыл записную книжку. – Но может, и ты расскажешь о своей пропавшей?

– Разумеется, – кивнула Таисия. – Семизерова Мария Павловна. Двадцать четыре года, разведена, снимает квартиру на Большой Садовой, работает в редакции журнала «Искусство для искусства». Сама она из Петербурга, в Москву переехала два года назад после замужества. Возвращалась ночью от подруги, до дома не добралась.

– Хм, а может, она к любовнику на дачу укатила? К женатому. Такие вещи не афишируют, – задумчиво устремил взор к потолку Тамерлан.

– Может. Только зачем мобильник выключать на четыре дня и рисковать карьерой? Позвони на работу, соври, что заболела, никто проверять не станет, дома ты валяешься или на даче у любовника. – Несмотря на собственную неопытность в отношениях с мужчинами, о чужой жизни Таисия рассуждала вполне здраво и даже слегка цинично.

– То есть ты понимаешь, что в ее исчезновении есть что-то таинственное? – тут же поймал ее на слове Тамерлан.

Таисия ему в общем-то нравилась, и ее выпады в адрес его занятий обидными не казались, потому как были отчасти справедливы. И потом, с такими, как Таисия, некрасивыми девушками он чувствовал себя свободно, словно с приятелями, а вот когда к нему на прием приходили молодые особы от восемнадцати до тридцати лет, Тамерлан частенько терялся, особенно если барышни были хорошенькие и строили ему глазки. Он начинал путаться, лепетать

что-то несусветное и чувствовал себя полным идиотом. Счастье еще, что они этого не замечали.

– Таинственное есть, только к твоим этим фокусам, – Таисия показала на хрустальный шар, – отношения не имеет. Ты бы еще окровавленной куриной лапкой над фоткой твоей старушки потряс.

– Ладно, – легко согласился Тамерлан. – О куриных лапках не будем, но связь между нашими пропавшими поискать стоит. Ты выясняй со стороны своей Семизеровой, а я со стороны Зои Борисовны постараюсь все разузнать.

Глава 6

Арсентий Николаевич Небольсин, камергер двора его величества Александра III, очень волновался. Он, как и прочие, сопровождающие королеву Элиннскую Ольгу, в девичестве великую княжну Ольгу Павловну, тихонько сидел в приемной отца Иоанна Кронштадтского и усердно молился.

Попасть к отцу Иоанну на прием было делом непростым даже для такого сановного вельможи, как Арсентий Николаевич, поскольку принимал тот прежде всего страждущих, а не сановных. Но Арсентий Николаевич страдал. Он был уже немолод, не очень здоров, а дети его умирали в младенчестве, ни один и четырех лет не прожил. Каждая потеря ребенка обращивалась для них с женой трагедией.

Арсентий Николаевич был православный христианин, человек истово верующий, так что стоило ему узнать о намерении королевы Ольги навестить отца Иоанна, как он немедленно загорелся мыслью броситься в ноги старцу – молить об отпущении грехов и о спасительной милости. Пусть помолится за них, грешных.

Службу сегодня отстояли в соборе, такую благодать обрели! Собор огромный, нарядный, лампадки светятся, прихожан тьма. Все к батюшке Иоанну едут, со всех концов России, вот какая слава о святом отце идет.

Арсентий Николаевич прослезился, его сердце до сих пор сжималось от умиления, а из блекло-серых, вечно печальных глаз то и дело сочились слезы. Он одернул жесткий, шитый золотом камергерский мундир, поправил воротничок, искоса огляделся по сторонам и, достав потихоньку платок, украдкой промокнул слезы. Впрочем, никто на него особо внимания не обращал, вся сопровождавшая королеву Ольгу свита, включая молодого бравого адъютанта с лихо закрученными смоляными усами, притихла. Некоторые тихонько бормотали под нос, кто-то крестился, и только старый граф Строганов вроде как посапывал в уголке, утомленный дорогой, службой и долгим ожиданием.

Домой воротились чуть не за полночь.

Супруга Софья Аркадьевна ждала, не ложилась. И едва уставший, бледный Арсентий Николаевич появился на пороге, велела тотчас накрывать на стол. Шутка ли, с прошлого обеда крошки маковой во рту не было, если просфорки не считать, отцом Иоанном подаренной.

Арсентий Николаевич, просветленный и тихий, мирно уписывал принесенный обед. Глядел пред собой на едва колеблющееся пламя свечей, счастливо шурился и думал о пережитом духовном потрясении. Он уже съел бульон с пирожком и приступил к жареной тетерке, когда Софья Аркадьевна не выдержала его молчания и, строго прокашлявшись, укоризненно взглянула на мужа. Арсентий Николаевич очнулся от благодной отрешенности, покраснел, устыдился и, отложив приборы, приступил к отчету.

Жена у Арсентия Николаевича была хоть и молодой, но строгой, и любой его рассказ о прожитом дне превращался дома то ли в доклад, то ли в отчет, подробный и развернутый. Вот и сейчас Арсентий Николаевич, смиренно сложив руки, приготовился к докладу, но вдруг всхлипнул, громко, неприлично, почти по-бабьи. Повалился перед женой на колени и залился счастливыми слезами, пряча лицо в ее коленях.

– Ах, Софьюшка, счастье-то какое! Счастье! – Потом высморкался, чуть успокоился и продолжил: – Благословил нас батюшка. Вот, – торопливо расстегнул мундир и вытянул дрожащей рукой из-за пазухи золотой крест на длинной цепочке. – Вот оно, наше спасение. Благословение наше от отца Иоанна. Если будем в Бога верить и в трудную годину от Господа не отречемся, сами живы будем и детишки, слава Всевышнему, тоже.

– А будут они, детишки-то? – дрожащим от волнения голосом спросила Софья Аркадьевна, у которой и самой слезы по щекам текли, так ее тронули страстные слова мужа.

– Будут, Софьюшка. Будут. Все будет, так отец Иоанн сказал.

Арсентий Николаевич поднялся, одернул мундир, распрямил широкие, крепкие еще плечи, усадил жену на диване рядом и сжал в своих ладонях ее тоненькие пальчики.

– Большие испытания ждут Россию, – проговорил он глубоким взволнованным голосом. – Война будет, а потом смута. Кровью все зальется. Так отец Иоанн сказал. И только верой спастись можно, только верой истинной. А крест беречь наказал, в нем спасение наше и потомков наших. Пока крест с нами, все переживем. Береги его, Софьюшка. – Арсентий Николаевич снял с шеи крест и торжественно надел его жене на шею, перекрестил ее, благословляя, и оба они еще долго сидели, глядя на догорающие свечи и думая со страхом и надеждой о пророчестве отца Иоанна.

Глава 7

Ой как плохо... Напилась она вчера, что ли? И сухость ужасающая.

Маша постаралась сглотнуть – не удалось. Во рту пересохло так, что языком шевелить больно. Она жалобно застонала и повернулась на бок. Еще раз протяжно вздохнула, разлепила глаза и тут же испуганно заморгала. Где это она?

Машка очнулась моментально. От испуга, должно быть. Еще бы не испугаться, когда думаешь, что проснулся дома, а оказываешься неизвестно где.

Вот именно. Где? Под потолком обыкновенная лампочка, хорошо еще – неяркая. Маленькое окно высоко, не дотянуться, бурые стены, каменный пол, кровать железная. В ментовке, что ли? Смутные воспоминания зашевелились в раскалывающейся Машкиной голове. Кажется, она бежала домой, потом столкнулась с какой-то компанией и... потеряла сознание? От страха, что ли? Глупость какая-то. Но в любом случае видно, компашка ее оставила лежать на тротуаре, а полиция подобрала и в отделение отвезла.

Боже! До чего она докатилась! Хорошо хоть мама ничего не узнает, у нее бы инфаркт случился. Машка перевела дух и еще раз не спеша осмотрелась. Ничего, кроме кровати и раковины, в камере не было, соседей, к счастью, тоже. Не хватало еще с какой-нибудь блохастой бомжихой ночь провести.

Интересно, сумочку ее полиция забрала или ее эти развязные девицы прихватили? Полиция, наверное. «Надо бы постучаться, чтобы выпустили и попить воды дали», – с сомнением подумала Маша, не имея понятия, как принято вести себя в подобных учреждениях, чтобы не злить хозяев. А то вдруг рассвирепеют, дело какое-нибудь повесят или побьют. По телику подобные истории регулярно бывают, когда добропорядочных граждан в полицию забирают, а потом над ними там издеваются. Машка мгновенно занервничала, принялась чесать руки – гадкая, недавно приобретенная привычка, такая же гадкая, как и невроты. А чего, спрашивается, она дергается? Из-за того, что одна-одинешенька в этом мерзком огромном городе и обратиться за помощью не к кому. Отчего-то ей нравилось валить все именно на город. Заговоренное место, не ее, не родное, а потому и несчастливое.

Так, ладно, велела она тут же себе. Не раскисать. Пить очень хочется, так что нечего жидкость на слезы расходовать. Наверное, стоит постучать, только не громко, чтобы не раздражать никого. Может, и выпустят.

А все-таки сволочи эти вчерашние прохожие оказались! Она, можно сказать, к ним под ноги упала, а они переступили и дальше пошли. И мужик этот противный, в очках.

Маша припомнила мужика, в которого чуть не врезалась вчера ночью, лицо его показалось ей смутно знакомым. Она так неожиданно столкнулась с ним нос к носу, что лицо его словно впечаталось в память. Неприятное лицо и глаза тоже. Машка передернула плечами и попыталась вспомнить, где могла его видеть. А девицы были просто жуткие, размалеванные безвкусно, в платьях этих пестрых, как будто из деревни глухой приехали. Юбки в сборку ниже колена, плечики и ткань такая... Хотя, если подумать, наморщила носик Маша, они скорее были винтажные, платья эти, стильные. Машке припомнились бабушка и ее старый шифоньер, в котором она хранила памятные наряды и туфли. В детстве Машка обожала в нем рыться, а бабушка перебирала вешалки и все приговаривала: «Вот какие ткани раньше были, натуральные, теперь таких делать не умеют». Креп-жоржет, креп-сатин, еще какие-то крепы. Точно. И рисунки на бабушкиных платьях похожие. Наверное, девицы с какой-то тематической вечеринки возвращались, потому и прически, и макияж были нелепые, а мужик в очках определенно был во френче! Маша тотчас же сообразила, на кого он был похож, но развить эту тему не успела – в коридоре послышались шаги, и она, обрадовавшись, что о ней, кажется, вспомнили, поспешила пригладить волосы и расправить юбку. Хорошо хоть юбка у нее приличная,

пышная, ниже колена, с кармашками по бокам, в такой за проститутку точно не примут. Маша выпрямила спину и придала лицу подходящее для встречи с полицией выражение спокойного достоинства.

За дверью раздался грохот, словно кто-то торопливо вскочил с места, едва не уронив стул.

– Доброе утро, тов... – громко и бодро воскликнул молодой голос и тут же был прерван другим, постарше.

– Доброе. Чего тут у вас? – Голос звучал с акцентом. Щелкнула задвижка, на двери Машкиной камеры открылось окошко, и кто-то, вероятно, заглянул в камеру. Машка по инерции встала и приготовилась к визиту. Но с визитом к ней не торопились.

– Очнулась недавно, – отрапортовал бодрый голос.

– Хорошо. Пусть приведет себя в порядок, и наверх ее, – распорядился тот, что с акцентом, и ушел, а за дверью раздались новые шаги, женские, цокающие.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась не полицейская (интересно, можно так сказать – полицейская?), а вполне себе штатская дама и снова в дурацком винтажном платье. «Видно, меня все-таки та компания подобрала и с собой на вечеринку притащила», – рассудила Маша, недовольно глядя на тетку. Хорошо, конечно, что на улице не бросили, но играть в прошлый век она с ними не собирается, ей завтра на работу, так что надо будет достаточно сухо поблагодарить, а то начнут приставать. Знает Машка подобных любителей поразвлечься. Самим делать нечего и других втянуть норовят. Был опыт, сталкивалась.

– Добрый вечер, – поздоровалась Маша вежливо, но достаточно отчужденно, чтобы без иллюзий.

– Пошли, – кивнула в сторону выхода из комнаты крашеная блондинка. На вид ей было лет сорок, и платье у нее было не пестрое креповое, а черное строгое, хотя все равно годов 1940–1950-х.

Распоряжение звучало грубовато, но Маша решила не спорить, а то кто их знает – психов этих, до какой степени натурализма они тут заигрываются. Она просто вышла в коридор и, окинув чуть насмешливым взглядом стоявшего за ней на посту красноармейца, двинулась к темноватой бетонной лестнице вслед за своей провожатой.

– Заходи, – велела ей строгая блондинка с уложенными в сложную прическу валиком волосами. – Полотенце, щетка, зубной порошок, мыло. Одежду наденешь свою.

– Спасибо, – холодно поблагодарила Маша, не собираясь заходить в ванную комнату, тоже, надо отдать должное, стилистически выдержанную. Зубной порошок! Где только раздобыли? – Я лучше дома помоюсь. И вообще, мне пора.

– Делай, что говорят, – чуть грубее, сердитым голосом велела блондинка, но в глазах ее злости не было. Смотрели они устало и как-то вымученно.

Утомилась, наверное, дело-то, может, уже к утру идет, сколько Машка без сознания могла пролежать?

– Спасибо, нет, мне действительно пора, – твердо отказалась Маша, разворачиваясь в поисках выхода.

Тут блондинка совершенно неожиданно и без всяких шуток вцепилась ей в предплечье, резко развернула Машу к себе и тихо, но грозно прошипела:

– Делай, что говорят. Тебе же лучше будет, – и сверкнула глазами так, что Машка сразу присмирела.

А может, и правда лучше не спорить? Мало ли какие у них тут правила. Может, они и правда психи? Почистищу зубы, с меня не убудет, а им радость. Маша шагнула в ванную. Блондинка двинулась за ней.

– А вы зачем? Я и сама справлюсь.

– Раздевайся и болтай поменьше, – тем же грозным голосом велела блондинка, наступая на Машу.

– Вот что, – рассердилась наконец Машка. – С меня довольно! Я не собираюсь ни мыться, ни раздеваться! Если вы меня немедленно отсюда не выпустите...

Блондинка не дослушала ее гневную отповедь, а высунулась в коридор и крикнула:

– Семенцов!

Это еще что такое? Машка напряглась и огляделась в поисках тяжелого предмета. Самым подходящим выглядел кусок мыла.

На пороге нарисовался какой-то хмырь в синей с погонами форме с закатанными рукавами, приземистый, с мерзкой рожей и прилизанными рыжеватыми волосами.

– Помогите, – коротко распорядилась блондинка, и они оба двинулись к Маше.

Дальнейшее было похоже на страшный сон. Они схватили Машу, она кричала, вырывалась, обещала сообщить в полицию, мужу, на телевидение, еще куда-то, а они сдирали с нее одежду, молча и сосредоточенно. Потом засунули в ванную под горячую воду и мыли, как какую-то скотину бессловесную. Ей было стыдно, унижительно, страшно, больно, противно, она орала, редела, билась в истерике, нахлебалась воды, несколько раз едва не упала, поцарапалась о кафель. Кончилось все тем, что ее завернули в простыню и, совершенно обессиленную, затолкали назад в камеру.

Сил не было ни на что. Она просто лежала поверх шерстяного одеяла, все еще замотанная в простыню, и редела, редела, редела. Без всяких мыслей, отчаянно, пронзительно, как никогда раньше. А потом уснула.

Проснулась в той же камере, под одеялом. Голой. И почти сразу пришел он. Машка даже подумать не успела, во что ввязалась, как ей отсюда выбираться и что с ней может быть, когда дверь распахнулась и на пороге появился он. Приземистый, лысый, в круглых очках, во френче.

Берия. Она это еще раньше вспомнила. А акцент у него был вчера именно такой, как в фильмах. Это он у красноармейца спрашивал: «Что тут у вас?» – с каким-то поразительным бесчувствием отметила Маша.

А потом он ее изнасиловал. Просто подошел к кровати, сдернул одеяло, а она, как дура, ручками стыдливо прикрывалась и испуганно глаза таращила. Он разглядывал ее, как кусок мяса на витрине. Потом растегнул штаны, демонстративно достал свое хозяйство и навалился на нее всей тушей. Она брыкалась, визжала, он дал ей хлесткую пощечину и еще одну и улыбался с наслаждением, и визг Машкин ему тоже нравился. Это было очень страшно, мерзко, еще страшнее и омерзительнее, чем в фильмах показывают. Когда он это делал, Машке вдруг показалось, что она сходит с ума. Потому что наяву в жизни такого не бывает. Это болезненный бред, кошмарный сон, чудовищное наваждение. И чем больше Машке хотелось так думать, тем очевиднее ей становилось, что все происходящее с ней – ужасная, невозможная явь. Она не знала, как это случилось, но все это правда: и запахи, и звуки, и этот человек, который давно уже умер и проклят, и сама память о нем проклята. И еще она видела, как через щелочку в окошке двери за ними подглядывает красноармеец, видела его мерзкие, похотливые, гадко посверкивающие глазки. В них не было жалости, а только скабрзность, любопытство и похоть. Хотелось удавиться. И когда он с нее слез, потный, жирный и отвратительный, Машка думала об одном – выскочить из собственного поруганного тела и никогда в него больше не возвращаться, потому что жить в нем после случившегося больше невозможно.

Глава 8

– Ничего путного узнать не удалось, – вздыхая так глубоко и прочувствованно, что ее пышная грудь вздымалась, как штормовые волны, разочарованно проговорила Таисия.

Грудь, по мнению Тасиных подруг, была ее главным достоинством – пышная, четвертого размера, а по мнению самой Таисии – ее главным изъяном. При достаточно узких бедрах и вполне себе приличных ногах ей даже удавалось втиснуть свой зад в джинсы сорок восьмого размера, но бюст выглядел тяжеловесным, громоздким и все время лез на глаза. Катастрофа. И спина у нее была мощная, с толстым загривком, будто в нем помещались все ее комплексы, жизненные проблемы и неурядицы.

– А у тебя что? – стараясь ссутулить плечи, спросила она экстрасенса.

– Ничего. Понимаешь, она одинокая была. Говорят, у нее мать есть, в геронтологии сейчас лежит, но она совсем старая, ничего не соображает, домработница в хозяйские дела особо не лезла, близких родственников нет. Еле раскопал подругу детства, но та сейчас на даче, обещала на следующей неделе в городе быть. Надеюсь встретиться, может, она что-то путное расскажет. А ты почему ничего не раскопала? – спросил Тамерлан, с жалостью рассматривая комплексующую, неловко сидящую в глубоком кресле Таисию.

– Не сказать, что совсем ничего. Понимаешь, все Машкины близкие друзья и родственники в Петербурге остались. Бывший Машкин муж сейчас где-то за границей, да и вряд ли он что-то знает о ее жизни, они год назад разбежались, а сам брак был еще короче – месяцев семь, наверное, – неодобрительно заметила Таисия.

– Любопытно. Что так быстро?

– Понятия не имею, я же не ее подружка, – пожала плечами Таисия. – Но подруг ее я тоже опросила. Это Лариса Алепова, актриса, от которой Машка возвращалась в ту самую ночь. Что их связывало – признаться, затрудняюсь сказать, они совершенно разные. И еще Александра Саблина, они с Машкой на ее свадьбе познакомились. Александра одно время с приятелем Машкиного бывшего мужа встречалась, так и подружились. Ни одна, ни вторая ни о какой Зое Борисовне слухом не слыхивали. А чем она, кстати, занималась, это твоя Зоя?

– Не знаю, – озадаченно ответил Тамерлан. – Я как-то забыл спросить. Мы в основном с ней по делу встречались. Но я сейчас выясню, домработнице ее позвоню и поинтересуюсь.

Она работала в Музыкальном музее имени Глинки научным сотрудником, – завершив разговор, сообщил Тамерлан.

– Ну ты даешь! Раньше не мог выяснить? Машка там обожала бывать, она собиралась диссертацию дописывать, вот только не помню, на какую тему, – радостно выпалила Таисия. – Машка была музыковедом по специальности!

– Так, погоди-ка! Зоя идет на Малую Никитскую завершить ритуал, там сталкивается с твоей Машкой, которая по роковой случайности оказывается на месте открывшегося временного портала. Будь они не знакомы, просто разошлись бы, и дело с концом, а тут... Это многое объясняет! – вскочил со своего места и зашагал по кабинету Тамерлан.

– Слушай, тебе еще не надоело этой фигней маяться? Может, стоит поискать более правдоподобное объяснение? – страдальчески закатила глаза к потолку Таисия.

– Да какое, например? – не стушевался на этот раз Тамерлан. – Думаешь, они познакомились на почве любви к музыке, а потому назначили друг другу встречу на Малой Никитской в два часа ночи? Ноты друг другу передавали? А в это время какой-то маньяк, всей душой ненавидевший Рахманинова или Глинку, напал на них и похитил вместе с нотами? – раздраженно закончил он, и оба замолчали, отвернувшись в разные стороны.

– Ладно. Это тоже глупо, – согласилась наконец Таисия. – Но знаешь, мне все же кажется: стоит исчерпать сперва все реалистичные объяснения, а потом уже в случае неудачи вернуться к твоей версии, потому как она все равно недоказуема.

Тамерлан задумался. В предложении Таисии было здоровое зерно. К тому же, лишь убедившись, что Зоя Борисовна бесследно исчезла из этого мира, он сможет заявить о своем невиданном успехе в среде коллег. Только так и никак иначе, да и сам он заодно успокоится.

– Ладно, я согласен, сперва займемся материалистическими версиями. Думаю, начать стоит с обращения в полицию. Все же мы не профессионалы, да и дело нешуточное, – озабоченно проговорил Тамерлан. – Только я тебя очень прошу, не рассказывай никому, зачем Зоя в тот вечер на Малую Никитскую поперлась. Я в полиции скажу, что у нее с этим местом были связаны личные воспоминания и она там часто бывала. Ладно?

– Да на здоровье. Я же не сумасшедшая, чтобы на полном серьезе про переходы во времени рассуждать.

Глава 9

– Ты выяснил, что Лидия Артемьева делала в Замоскворечье? – Капитан Кочергин был, как всегда, не в духе. Новые постановления партии и правительства требовали от него результативности, коммунистической настойчивости и инициативности в борьбе с криминальными элементами, не говоря уже о повышении раскрываемости. Начальство выражалось проще, зато требовало жестче. Сегодня утром он получил очередную головомойку. Несмотря на награды и благодарности в личном деле, отчитали его как мальчишку! На заседании присутствовал новый начальник управления, пришедший к ним со стороны, ни бельмеса в сыском деле не понимающий, зато горластый и политически подкованный. Сперва сделал выговор всему коллективу за безынициативность, слабую раскрываемость и недостаточное внимание к задачам, которые ставит перед ними партия и правительство, а потом прошелся поименно. И надо сказать, что задел не только Кочергина, но и других заслуженных сотрудников, в чьем профессионализме сомневаться не приходилось.

Обидно, что штафирка какая-то тыловая, морда жирная так его перед товарищами унизила! И это его-то! Да он со школьной скамьи в милицию пришел, у него на счету три ранения, половина Бутырки им посажена, а они... Обида давила грудь капитана Кочергина, в боку горело и пульсировало, во рту стояла жгучая горечь.

– Нет, – покачал головой в ответ на вопрос начальства ясный, как солнышко, румяный лейтенант Алексеев, хлопая густыми белесыми ресницами. – Мать с сестрой говорят: у них там ни знакомых, ни родни нет. Сами они на Бронной живут, школа рядом, после школы Лида всегда сразу домой, к экзаменам надо было готовиться. Еще она в школьном театральном кружке занималась.

– Погоди, какая школа, сейчас же каникулы? – поднял от стола хмурое лицо капитан Кочергин, сглатывая изжогу.

– Да нет. Они сейчас экзамены выпускные сдают, а перед экзаменами у них какие-то подготовительные занятия, час-два в день, – пояснил Алексеев, заглянув в свой блокнот. – Еще они в театральном кружке какую-то постановку к выпускному готовили. Артемьева пела хорошо и вообще способная была девушка, мне ее учителя говорили. Подруги ей даже советовали в театральный поступать, но мать настаивала, чтобы сперва профессию получила, а театром можно в клубе после работы заниматься, – докладывал лейтенант Коля, то и дело поглядывая на графин с водой.

– Да напейся ты, хватит графин гипнотизировать, – не выдержал его страданий Кочергин.

Коля Алексеев с радостью схватил мутный граненый стакан, наполнил его до краев и выпил большими жадными глотками, счастливо причмокивая.

– Дальше давай, – буркнул капитан, завистливо глядя на жизнерадостного, пышущего здоровьем и энергией молодого коллегу, которого простой стакан воды смог привести в состояние чистейшего блаженства.

– Дальше. В тот день она тоже была на репетиции, закончили они часов в пять, с подружками попрощалась возле школы, домой больше не вернулась.

– Нужны свидетели, Коля, нужны свидетели, – постукивая по столу пальцами, проговорил задумчиво Кочергин. – Не сквозь землю же она провалилась среди бела дня. К тому же если она с подружками прямо возле школы попрощалась, значит, ее кто-то ждал. Скорее всего, ухажер какой-то.

– Почему вы так думаете?

– Потому. Постой возле школы после уроков, понаблюдай: все девчонки стайками разбегаются. А раз она у самых дверей попрощалась, наверняка ее провожатый ждал где-нибудь

за углом. Учитывая, что девица была видная, зрелая, вывод сам собой напрашивается. Да и медэкспертиза показала, что был у нее кто-то. Не девица она уже.

– А может, ее изнасиловали? – взволнованно спросил лейтенант Алексеев, еще слишком юный и неопытный, а потому красневший как маков цвет, когда речь заходила о вопросах интимных.

– Не похоже. Ты лучше поговори с ее подружками, наверняка они что-то знают. Просто делиться не спешат, стесняются или боятся. И еще, съезди в гастроном, походи вокруг, с местными жителями пообщайся. Должны быть хоть какие-то свидетели. Как-то же ее туда доставили, не сама же она пришла. Была без сознания, значит, несли или везли, а значит, шум машины должен был кто-то услышать, – с напором говорил капитан. – Работай, Коля, работай, и Синигина с собой возьми, он мужик приметливый, к тому же как никто умеет с населением работать. Хотя с девицами лучше сам. Ты парень молодой, симпатичный, тебе и карты руки. И похитрее, понастойчивей. Лучше их по одной до дома провожай, так они быстрее разговорятся.

– А может, сестра или мать знают, с кем она дружила? – не без энтузиазма спросил лейтенант, вспомнив смешливых глазастых девиц в школьных платьях и фартуках.

– Дружила? Нет, Коля, тут не дружба, и уж маменька точно не в курсе, а вот с сестрой поговори. Может, что-то и знает. Они же почти ровесницы?

– Погодки, – вздохнул лейтенант.

– Вот-вот. Попробуй.

– Разрешите, товарищ капитан? – бодро спросил лейтенант Алексеев, распахивая дверь кабинета. – Входи, Синигин, входи! – отступая в сторону и проталкивая в нее невысокого плотненького оперативника с седоватыми висками и прищуренными хитроватыми глазами, приговаривал лейтенант. – Раскопал, Павел Евграфович! Раскопал!

– Что раскопал? Здорово, Синигин, проходи, садись, – приподнимаясь и протягивая через стол руку вошедшему, как всегда хмуро спросил Кочергин.

Безрадостность его была всем известна, а потому нисколько не смутила довольного успехом лейтенанта.

– Синигин нашел свидетеля! Точнее, свидетельницу, – хлопая товарища по плечу, докладывал лейтенант. – Ох и хитрый! Прикинулся сантехником и по квартирам прошелся, почти весь квартал обошел, три дня ходил, а раскопал!

– Ладно, то, что Синигин молодец, я и сам знаю, – потирая привычным жестом желтушные щеки, откликнулся капитан. – Докладывай, Тимофей Григорьевич.

Плотный седоватый оперативник промокнул большим клетчатый платком потную шею под воротником белой полотняной толстовки.

– Докладываю, – попросту начал Синигин, мечтательно глядя на портрет Сталина, украшавший выкрашенный унылой серо-зеленой краской казенный кабинет. – Женщина, пенсионерка, живет одна в доме № 17, на пятом этаже, это в том, что двумя окнами во двор гастронома выходит. Окна эти аккурат в туалете, под самым потолком, так и не дотянешься, и со стремянки тоже, потому как горшок цветочный мешает стремянку поставить. И с горшка тоже не заглянешь. Дом старый, потолки высокие. В общем, при первом осмотре было ясно, что в эти окна никто ничего увидеть не мог, да и грязные они, их, наверное, лет сто никто не мыл, – развел маленькими пухлыми ручками Синигин. – Увидеть не могли, разве что услышать. Пошел по комнатам, народ в тех квартирах живет обыкновенный, в основном рабочие, там завод недалеко, им комнаты и давали. Никто ничего не видал, не слышал, ночью спят все, им колобродить некогда, на смену с утра, а день был будний, я уж и так и этак подкатывал. Мол, слышали, тут у вас женщину убитую нашли, может, видели чего или слышали? Вот один мужик и пошутил, ты, мол, у мадемуазель Кларетт спроси, она у нас запорами мается, ночи напролет в нужнике сидит. Что за Кларетт, спрашиваю. Да Клара Робертовна, говорит, его жена – в конце коридора

проживает. Иду туда. Открывает старуха, седая, лохматая, в халате с птицами, и глазки мне строить начинает. Вся комната в афишах цирковых, и на них, точно, написано: «Мадемуазель Кларетт, танец на трапеции». Я ей тоже пару раз подмигнул, про афишки спросил, она, ясное дело, размякла, даже графинчик коньяку откуда-то выудила. Тянули мы по рюмашке, тут я про убийство и вернул.

– Ну? – поторопил его вытянувший шею Кочергин.

– Видела она убийц той ночью, – коротко и довольно выдал Синигин.

– Да не тяни ты! Как она их видела, где?

– В том самом окне туалета, – положив ногу на ногу, самодовольно покачивая ею, заявил Тимофей Григорьевич.

– Синигин, ты мне это брось. Выкладывай давай, чего она видела и как. Сам же только что говорил, что до окна никак не дотянуться.

– Ага, нам не дотянуться, а ей, старушенции этой, очень даже легко, – усмехнулся Тимофей Григорьевич, но, поймав гневный взгляд капитана, ломаться перестал. – Ловкая она, хоть и старая. Да и не очень старая, а только курит много, голос хриплый и седая вся, а так еще вполне, – одобрительно заметил Синигин и смутился, увидев вопросительно приподнятую бровь капитана. – Я к тому, что подвижная очень она, все-таки всю жизнь на арене провела, сейчас, правда, в детской цирковой студии работает. А в ту ночь она, точно, запором маялась, и пока в галюне скучала, услышала шум какой-то со двора. Машина вроде подъехала, и ворота лязгнули. А во дворе-то только гастроном, кому там чего ночью понадобилось? Она и любопытствовала – вдруг ограбление. – Синигин не удержался и крикнул, усмехнувшись: – И ведь сообразила же! Туалет-то узкий, вот она спиной в одну стену, ногами в другую – и поднялась к окошку. Как раз вовремя. Увидела машину у ворот, какая марка, она не знает, не разбирается, но похожа, по ее рассказам, на «ЗИМ». Когда она до окошка добралась, ворота во двор уже были открыты и тип какой-то возле черного входа в гастроном крутился.

– Как этот тип выглядел? Во что одет? – закуривая, спросил Кочергин. Протянул пачку папирос Синигину, а Алексеева только по ладони хлопнул: – Здоровье береги, молод еще смолить.

– Одет вроде в военную форму. Двор-то освещен плохо, только с улицы свет шел, потому как лампочку, что над входом в магазин, они выкрутили.

– Откуда знаешь? – тут же уцепился капитан.

– Оттуда же, от свидетелей. Все опрошенные говорили, что во дворе магазина по ночам лампочка над дверью горит. Да и сторож потом подтвердил, что в тот день, когда тело нашли, он вечером магазин закрывал, свет включил, как всегда, над дверью – а лампочка не горит. Он сперва думал, перегорела, но потом подкрутил маленько, и порядок.

– Молодец. Наши пропустили и отпечатки пальцев не сняли, – мрачно проговорил капитан, стуча пальцами по столу.

– Так мы же приехали – светло было, солнце шпарило вовсю, вот ребята про лампочку и не подумали, – горячо заговорил Алексеев, чувствуя, что кому-то из коллег мало не покажется.

– А ты помалкивай, нечего за них заступаться, они на убийство выезжали, а не с девушками гулять, – цыкнул на него капитан. – Продолжай, Синигин.

– Этот военный без головного убора был, с пятого этажа свидетельница разглядела только, что темноволосый и вроде как высокий, потому что, когда в машину за телом лазил, очень уж наклонялся. И худощавый. Был с ним еще один, из машины вышел, только когда тело выгружали. Точнее, свидетельница не знала, что тело, просто сверток какой-то длинный, во что-то темное завернутый. Думала, левый товар привезли, посмотрела, как в магазин занесли, подумала, что заведующая из-под прилавка толкает что-то, и все. Дела свои доделала и спать пошла, – закончил отчет Синигин.

– А что ж она молчала, когда про убийство узнала? – сердито шлепнул рукой по столу капитан.

– Испугалась, – посерьезнев, проговорил Тимофей Григорьевич. – Понимаешь, Павел Евграфович, она хоть и циркачка, но далеко не дура, и, если бы не коньяк и задухшенная беседа, так бы ничего и не сказала.

– Это еще почему? – не понял капитан Кочергин.

– Сам подумай. Приехали на черном «ЗИМе». Она думает, что это, наверное, «ЗИМ», в любом случае простые граждане на таких машинах не ездят. Дальше – человек в форме. В какой? А пес его знает, поди в темноте разбери. Да и вообще, кто они такие, люди эти? Один так легко с воротами справился и дверь в магазин в момент открыл. А о том, что сторож все на свете проспал, к обеду в тот день уже вся округа знала.

– И чего с того? – продолжал упираться Кочергин.

– А того, раз они так по-свойски в магазин проникли, значит, знали, куда шли и что сторож – старый пьяница. Один из них точно из местных был. К тому же убийство такое зверское, кому охота так же на крюк попасть? Никому, – наставительно проговорил Синигин. – Вот и молчала. И сейчас официально ничего подписывать не станет. Как только проговорилась, так сразу и пожалела. И вообще у нее вся семья по известным статьям сроки отбывает, как враги народа, я справки наводил. Она и в коммуналке-то этой оказалась только потому, что за передовика производства перед войной замуж выскочила со страху и фамилию поменяла, а он в 1942-м погиб. Вот она в этой комнате и проживает. Так что дамочка запуганная, слова из нее лишнего больше не вытянешь.

– Ясно, – затушив в пепельнице окуроч, проговорил капитан. – Так что мы в итоге имеем? Двое соучастников на черном «ЗИМе», предположительно в военной форме. Погоны она, естественно, не рассмотрела?

– Нет, и насчет военных... Скажем так, она видела людей в форме, – поправил капитана Синигин.

– Ладно. И один из них предположительно высокий и местный, потому что хорошо ориентировался.

– И предположительно темноволосый, – добавил Синигин.

– Не густо, – откидываясь на стуле, заключил Кочергин. – А у тебя что, Алексеев? Разобрался с девицами?

– У Лидии Артемьевой были поклонники, иногда ее приглашали в театр, иногда в кино, иногда в парк погулять, девушка была красивая, – пересев к столу начальства, начал рассказ лейтенант. – Были среди поклонников и студенты. Но все они либо были хорошо знакомы с семьей, либо учились с Артемьевой в одной школе, либо были официально представлены маме. Сейчас я проверяю их алиби. Но сестра говорит, что в последнее время Лида очень изменилась. Стала замкнутой, подавленной, часто плакала, маме говорила, что нервничает из-за экзаменов. Но сестра, ее, кстати, Леля зовут, думает, что у Лидии была несчастная любовь. И еще она думает, что тот человек старше Лиды и, возможно, женат.

– Почему она так решил? – заинтересовался Кочергин.

– Приятель Лели видел однажды, как Лида садилась в машину к какому-то военному, – хмуро пояснил Алексеев.

– С парнем разговаривал? Когда это было? – оживился капитан.

– Недели за полторы до ее исчезновения. С парнем говорил, но он ничего толком не рассмотрел, кроме самой Артемьевой. Правда, сказал, что садилась она в черный «ЗИМ», номер не запомнил. Кто сидел за рулем – не видел, потому что Лида садилась назад, а пассажира было не разглядеть из-за сидения. Да и отъехали они быстро, а парень далековато стоял.

– Та-ак. Уже кое-что, – потирая руки, проговорил Кочергин. – Теперь, ребятки, надо навалиться на подружек. Не поверю, что она ни с кем не откровенничала, быть такого не может.

Синигин, как думаешь, кто лучше справится, ты или Николая послать? – В голосе капитана звучала легкая веселость, настроение его улучшилось, даже цвет лица стал не такой желчный.

– Пусть Колька поработает, он молодой, ему с девками сподручней будет, – подмигнул лейтенанту Синигин.

Тот только вздохнул.

Глава 10

– Привет, Таисия! Как дела? – Тамерлан с улыбкой поднялся навстречу своей новой приятельнице.

– Дела? Фигово. Это твои фокусы? – грозно сопя носом, спросила Таисия, по-свойски проходя к дивану и бросая на него свою сумку.

Сегодня у Тамерлана был рабочий день, и в приемной дожидалась своей очереди парочка ждущих чудес пациенток. Таисию секретарша пропустила без очереди, и дамочки проводили ее тяжелыми недоброжелательными взглядами.

– О каких фокусах идет речь? – благодушно поинтересовался экстрасенс, выходя из-за стола и с удовольствием потягиваясь. Облачен Тамерлан был сегодня в элегантный темный костюм и светло-розовую рубашку, очень его красившие и подчеркивавшие спортивную, стройную фигуру. «Красавчик, да и только», – с непонятной завистью подумала Таисия.

– А сам не знаешь? – с ехидцей переспросила она, следя, чтобы неуместные мысли не отразились на лице. – Мне третью ночь подряд отец снится. Все поговорить хочет. Плакал даже.

– Так что мешает? Поговори, он и отстанет, – пожал плечами Тамерлан и проделал несколько упражнений, то ли карате изображал, то ли ушу. – Что там с твоей Машкой? Чего в полиции говорят?

– Ничего не говорят. И, кажется, не собираются. От меня заявление не приняли, пришлось матери ее звонить. Та, конечно, тут же примчалась вместе с отцом дневным поездом, сразу в полицию, все в слезах, смотреть больно. После полиции отца на «неотложке» в больницу с сердечным приступом отвезли. Потом на допрос артистку эту вызывали, у которой Машка накануне вечером была, еще парочку человек из той же компашки, опросили – и все. На этом дело встало. Мать сейчас у Машки дома живет, каждый день с утра в больницу мотается, днем к следователю, а что толку? – пожала плечами Таисия. – А у тебя как?

– Примерно так же. Домработница разыскала каких-то родственников, с трудом уговорила их подать заявление в полицию. Заявление приняли, на этом все, – развел руками Тамерлан. – Кстати, ты в полиции о Зое Борисовне говорила?

– Говорила.

– А они? – с детской надеждой в глазах спросил Тамерлан.

– Кивнули, и все, – сердито ответила Таисия, – знаешь, я почему-то твердо уверена, что никого они искать не станут. Подождут, пока где-нибудь труп не всплывет.

– А ты уверена, что труп не всплывет? – смущенно отводя глаза, спросил Тамерлан. – Столько времени прошло.

– А ты? Ты же у нас экстрасенс. Вот ты мне и скажи, жива твоя Зоя или нет, – съязвила Таисия, не желая признаваться даже себе, насколько для нее важно мнение Тамерлана.

– В том-то и дело, – вполне серьезно ответил экстрасенс. – Я каждый день пытаюсь ее просканировать, и каждый раз выходит, что еще жива, но находится в каком-то странном месте, в чуждой для нее среде, как будто ее в плену держат. Может, ее НКВД арестовал, а? – понимая всю абсурдность вопроса, повернулся он к Таисии.

– Скорее уж маньяк в каком-нибудь подвале, – фыркнула Таисия, а потом полезла в сумку, – на вот, ученик чародея, покажи, на что способен.

И протянула Тамерлану фото Машки Семизеровой, которое она стащила у нее из дома. Собственно, ради этого фото она сегодня к Тамерлану и приехала. Себе она объясняла, что идет на этот глупый поступок только ради Машкиной мамы, чтобы хоть чем-то ее успокоить. Тамерлан же Тасиными мотивами озадачиваться не стал, а просто от души обрадовался.

– Отлично, вот сейчас все и проверим, – он уселся за стол, положил перед собой фото и принялся водить над ним рукой, сосредоточенно к чему-то прислушиваясь.

– Слушай, а ты действительно можешь определить, жив человек или нет? Или это так, с поправкой пятьдесят на пятьдесят? – борясь с сомнениями, спросила Тася.

– Да ты что! – искренне возмутился Тамерлан. – Это, можно сказать, основа основ. Если экстрасенс не может с абсолютной достоверностью установить такой элементарный факт, то о чем с ним вообще разговаривать?! – Серо-голубые глаза его смотрели на Таисию с детской искренностью и чистосердечием.

– Ладно, колдуй давай, – недовольно буркнула Таисия. Недовольна она была собой.

– Она жива, – с едва сдерживаемым волнением проговорил Тамерлан, отрываясь от фото. – И ты знаешь, я не совсем понимаю, но мне кажется, ее жизни угрозы нет, хотя она определенно не в порядке.

– Да? – скептически протянула Таисия. – И где она? Тоже в лапах НКВД?

– Хватит язвить, – обиделся на этот раз экстрасенс. – Я не знаю, где она, и сразу скажу, что поисками людей в жизни не занимался. Но факт один: они обе живы, пропали в один день на одном и том же месте. Найдем одну – найдем и другую. С этим ты согласна?

– С этим согласна. Но искать будем здесь. На этом свете, без всяких временных порталов и прочей чуши. Я даже придумала, с чего начать.

– И?

– Распечатаем их фото и будем опрашивать прохожих на углу Вспольного и Малой Никитской, – самодовольно поделилась Таисия.

– Гениально!

Теперь надулась Тася.

– А сам что можешь предложить?

– Если отбросить версию перехода во времени... Хотя я бы не отбрасывал, – скрестил на груди руки Тамерлан.

– Правильно! – оживилась Таисия.

– Что правильно, переход?

– Да нет, конечно. Надо расследовать это исчезновение по классической схеме, наплевав на твои бредни! – не особо заботясь о корректности высказываний, возбужденно произнесла Таисия. – Если исключить версию случайного похищения – ехали мимо горячие кавказские парни, засунули в машину и увезли, к тому же твоя старушенция вряд ли кому-то могла приглянуться, то надо действовать по классической схеме. Искать, кому выгодно, мотивы искать. Понимаешь?

Тамерлан не понимал.

– Господи, что тут неясного? – закатила глаза к потолку Таисия. – Найти случайного похитителя мы с тобой не сможем, но если предположить, что кто-то нападение спланировал, то шансы наши раскрыть это дело увеличиваются. Как в любом детективе – надо лишь правильно задавать вопросы. Кому это выгодно? И мотивов классическая литература предлагает всего два – любовь и деньги, остальное – подпункты. Теперь ясно?

– Ну да, – кивнул Тамерлан, выпятив губы и раскачиваясь в кожаном рабочем кресле. – Только, знаешь, если отбросить мистику, то, скорее всего, Машку твою именно что случайно похитили. Девушка молодая, симпатичная – ехала мимо пьяная компания и прихватила по дороге. Согласись, это вполне логично.

– Ладно, а что твоя Зоя в это время – благополучно совершила переход во времени? – воинственно выпрямилась на диване Таисия. Она очень не любила, когда ее правота подвергалась сомнению, а гениальные идеи оспаривались.

– В этом случае, – неохотно проговорил Тамерлан, – можно предположить, что она стала невольным свидетелем похищения и, вероятно, получила по лбу.

– Вот! – обрадовалась Таисия. – И осталась бы валяться на тротуаре. А ее нет. Нигде. И потом, случайным похитителям Машка была бы интересна на одну ночь, пока не протрезвеют,

а потом ее бы либо выпустили, либо выбросили в виде трупа. Но ведь ее до сих пор нет ни в каком виде!

– А может, ее закопали где-нибудь? Бывает, что трупы годами не находят, – вяло возразил Тамерлан.

– Но ты же сам сказал, что она еще жива! – победоносно заявила Таисия. Переиграть ее было сложно, она была мастером ловить людей на слове и отстаивать собственную позицию всеми доступными способами. В том числе использовать доводы противника в свою пользу.

Тамерлан такими талантами не обладал, а потому лишь молча открывал и закрывал рот, не находя стоящих аргументов.

– Вот, – подвела черту Таисия. – Значит, похищение было спланированным, твоя Зоя, скорее всего, стала невольным свидетелем, ее прихватили с собой.

– А почему не наоборот? – обиженно спросил Тамерлан.

– Что не наоборот?

– Почему Зоя была случайным свидетелем? А может, наоборот? Хотели похитить Зою, а пришлось и Машку твою за компанию прихватить!

– Чисто теоретически возможно, хотя...

– Никаких «хотя»! – категорично заявил задетый за живое Тамерлан. – Зоя – особа таинственная, состоятельная, имеющая какую-то тайну, а твоя Машка – обычная девица, ничем не выдающаяся.

– А вот это как сказать, – решила не сдаваться Таисия. – Но если похитить хотели твою Зою, тогда вспоминай, кому о своем дурацком ритуале рассказывал! Особенно о том, что завершить она должна его одна, в два часа ночи, на углу Вспольного и Малой Никитской.

А ведь Таисия права. Тамерлан с изумлением уставился на свою компаньонку. Если похищение Зои было спланировано, то похититель должен был знать о ее планах. Неужели он кому-то проболтался? Матери – точно нет. Ей он о Зое вообще не рассказывал, она бы категорически запретила ему морочить человеку голову. Аристарху – тоже нет, они вообще давно не созванивались, весна и начало лета – время горячее: несчастная любовь, привороты и прочая муть в самом разгаре. Может, секретарша случайно подслушала?

– Если только секретарша, – неуверенно проговорил Тамерлан. – Хотя в тот вечер ее на месте уже не было. Я ее специально отпустил и последние указания Зое давал по окончании ритуала. Может, она сама проболталась, а?

– Может. Вопрос только – кому? Значит, так. Я побежала, мне еще сегодня новаторскую постановку «Матери» Горького смотреть, режиссер – какой-то провинциальный гений, и тебя там народ в приемной дожидается. А завтра с утра отправляешься искать свидетелей по делу. После обеда доложишь, – поднимаясь с дивана, распорядилась Таисия.

– А чего это ты раскомандовалась? – спохватился экстрасенс.

– Потому что я старше, умнее и вообще больше гожусь в командиры. Так что работай, – насмешливо посоветовала Таисия и распахнула дверь в приемную. – Проходите, дамочки, кому тут больше всех нейдет? – И, получив еще один гневный взгляд, покинула офис начинающего экстрасенса.

Глава 11

– Вера Кондратьевна, подумайте, пожалуйста, с кем еще могла общаться Зоя Борисовна кроме коллег? Это очень важно. – Тамерлан сидел на кухне домработницы Зои Борисовны и пил чай с пирожными.

Пирожные он купил в дорогой кондитерской специально, чтобы ублажить старушенцию. Но та его пирожными не впечатлилась, а только кривилась, мол, сладкие до чего, и крем какой-то синтетический, а вот она сама «Наполеон» печет – вот это – пальчики оближешь. Или вот раньше пирожные были, эклеры например, с кремом, вот это вещь, а еще лучше пироги с селедкой или грибами. Тамерлан все эти бестактные заявления сносил молча, кивал и улыбался в ожидании, пока Вера Кондратьевна прекратит наконец ворчать и перейдет к делу.

Сама Вера Кондратьевна, суровая, высокая, с гладко зачесанными седыми волосами и бледным морщинистым лицом, уминала пирожное за пирожным, демонстративно игнорируя вопросы гостя. Гость ей не нравился, а она была не из тех людей, кто привык скрывать собственное мнение или лебезить перед каждым из-за коробки пирожных. Дудки! Не для того она пятьдесят лет на заводе отпахала, медаль ветерана труда имеет, чтобы перед каждым сопляком наизнанку выворачиваться. Вот Зоя тоже была – та еще заноза, у нее лишний раз не пикнешь, а платила хорошо и не капризничала. Установила правила и по ним требовала. Где теперь такую халтуру найдешь?

А этот все так и крутится с тех пор, как Зоя пропала, так и вьется рядом. Видно, совесть нечиста. И сам весь такой прилизанный, такой лощеный, надушился, как девица, только что не накраился. Тьфу! И не поймешь, что ему надо. На деньги Зоины, что ли, зарится? Так там вроде как дальняя родня объявилась, хоть и дальняя, а все ж. А может, Зоя на него завещание оформить обещала – с нее станется! – вот он его и ищет? «Гнать его надо отсюда, да так, чтобы больше не шлялся сюда, дорогу забыл!» – Вера Кондратьевна недоброжелательно поглядывала на гостя.

– Ба-а! – одновременно с хлопком входной двери разнесся по квартире звонкий, веселый голос. – Ты где? Твоя внучка пришла, вяленой воблы принесла!

При первых звуках этого голоса Вера Кондратьевна едва не подавилась от неожиданности, ругнулась грубо себе под нос, закашлялась, стремительно встала из-за стола и вышла из кухни, грозно топя широкими ступнями, обутыми в грубоватые кожаные тапки.

– Бабуля, я тебе воблы принесла и пива, правда, не «Жигулевского», зато свежего, – перекрывая недовольный бас Веры Кондратьевны, щебетал веселый голосок.

Тамерлан замер, прислушиваясь. В следующий миг дверь кухни стремительно распахнулась и на пороге появилась девица, невысокая, темноволосая, быстроглазая, необычайно подвижная. Тамерлану показалось, что с ее появлением вся кухня волшебным образом пришла в движение.

– О, – девица уже ворвалась в кухню, вонзила взгляд в Тамерлана. – А это кто? – И тут же без пауз: – Пироженки? Свежие? Обожаю! Ба, тебе пиво с воблой, а пирожные я сама доем.

Девица уже сидела за столом и прихлебывала чай из бабкиной чашки. Вере Кондратьевне только и осталось, что сесть на свободный табурет в торце стола.

– Вкусные. Откуда? Ба, а ты пиво-то открывай, сейчас стакан дам. Она обожает пиво с воблой, – не умолкая ни на секунду, тараторила девица. Достала стакан, схватила следующее пирожное, подлила себе чай. – А ты кто такой? Таблетки какие-нибудь толкаешь или из страховой?

Этот вопрос понравился Вере Кондратьевне, и ее тонкие губы расплзлись в ехидной улыбочке.

– Я врач, в смысле, психолог...

– Экстрасенс, шарлатан, Зоя к нему ходила, – с удовольствием помогла Тамерлану Вера Кондратьевна.

После такого представления Тамерлан почувствовал себя круглым дураком и залился краской до самых ушей. Внучка была очень хорошенькая. В коротеньком соблазнительном сарафане, со стройными коленками, остреньким носиком и с огромными карими глазами. Впрочем, глаза были даже не карие, а удивительные, переливчатые, похожие на камень «тигровый глаз». У мамы был кулон с таким камнем, и в детстве Тамерлан обожал его рассматривать – ему нравились и камень, и его название. Вот и глаза у девушки были точь-в-точь как тот камень. Тамерлан каждой клеточкой кожи чувствовал, что рядом с ним привлекательная девушка, и хотелось ему ей нравиться, бессознательно, бесцельно, но зато всей душой. А тут – экстрасенс. «Сейчас наверняка захохочет», – страдая в душе, подумал Тамерлан и метнул на вредную старуху уничтожающий взгляд.

Но расстраивался он напрасно.

– Экстрасенс! Правда? Вот здорово! – в полном восторге воскликнула девица и всплеснула ручками с остренькими кроваво-красными ноготками. – А чего вы у бабки делаете?

– Зоя Борисовна пропала, я пытаюсь ее разыскать, – в пику зловредной Вере Кондратьевне ответил Тамерлан и краем глаза отметил, как недовольно скривилась старуха.

– Да вы что? А куда пропала? – спросила прелестная внучка.

– На кудыкину гору, – сердито буркнула Вера Кондратьевна.

– Ушла вечером из дома и пропала, – счел своим долгом пояснить Тамерлан.

– Вот полиция пусть ее и ищет! – жестко и вполне определенно высказала свою позицию Вера Кондратьевна. – А то шляются тут всякие...

– Полиция ее не ищет и искать не собирается, – укоризненно глянул на старуху Тамерлан.

– Ой, а как вы ее искать собираетесь? А кстати, я же Вероника, внучка бабкина, – запоздало сообразила представиться барышня. – А вас как зовут?

– А я Тамерлан. Очень приятно.

«Внучка», – с удивлением повторил про себя Тамерлан. Более непохожих людей трудно себе представить. Вера Кондратьевна, угрюмая, неповоротливая, тяжеловесная, словно отлитая из чугуна, не имела никаких общих черт с живой, подвижной, непредсказуемой, как полет бабочки, Вероникой. Интересно было бы взглянуть на ее мать. Или это бабка по отцу?

– Так как вы ее искать собираетесь? – повторила свой вопрос Вероника, уплетая третье пирожное и простодушно облизывая запачканные кремом пальчики. К слову сказать, фигура у нее, невзирая на аппетит, была безупречной.

– Хочу разыскать ее друзей, знакомых, выяснить, куда она собиралась в тот вечер, не было ли у нее недоброжелателей или каких-то необычных происшествий накануне исчезновения.

– Необычных? Это кроме ее общения с тобой, что ли? – без малейшего намека на шутку спросила Вера Кондратьевна. К пиву она так и не притронулась, у Тамерлана даже возникло сомнение, так ли уж она его любит.

– Ой, у нее помимо коллег подруга была, химичка, – не обращая внимания на бабкину реакцию, зашебетала Вероника.

– Учительница химии? – уточнил Тамерлан.

– Почему учительница? Профессорша, наверное. Они еще со школы дружили. Потом поклонник был старый, тоже еще со школы. Генерал. Бывший муж Зои давно уже умер, поклонники разбежались, а генерал ее всю жизнь любил, хотя у него семья своя и дети. Но для нее он наизнанку вывернется, – беззаботно болтала внучка, не обращая внимания на бабкины одергивания.

– Вероника, помолчи! – не выдержала наконец Вера Кондратьевна и хлопнула ладонью по столу. – Хватит болтать.

– А что такого? Надо же человеку помочь, – пожала плечиками Вероника. – А ты чего пиво не пьешь? Пей давай, пока холодное. Она еще с застойных времен пиво любит. Работала в цеху с мужиками, вот от них и понабралась. Они после смены к пивной бочке, и бабка туда же, – игнорируя наливающуюся бешенством Веру Кондратьевну, рассказывала Вероника.

– А кем бабушка работала? – последовал ее примеру Тамерлан.

– Да слесарем, турбины они какие-то собирали, что ли? – неуверенно предположила Вероника. – Ба, что вы там собирали?

– Собирали! – передразнила, кривляясь, Вера Кондратьевна. – На заводе турбинных лопаток я работала. Ветеран труда, между прочим!

– Вот, – кивнула ей Вероника. – А сейчас она на пенсии, скучно ей, мы с Римкой давно выросли. Вот она к Зое и устроилась – и деньги не лишние, и при деле. Слушай, а чего мы здесь сидим? – взглянув на пустую коробку из-под пирожных, спросила жизнерадостная Вероника. – Пойдем прогуляемся? Я тебе все про Зою расскажу, а то бабке ты не понравился, видишь, как она на тебя зыркает? – беззаботно расхохоталась Вероника. – А ты мне тоже что-нибудь интересное расскажешь, у меня никогда знакомых экстрасенсов не было.

Она буквально силой вытащила Тамерлана из-за стола. Впрочем, не особо он и сопротивлялся. Чугунная Вера Кондратьевна поднялась следом за ними и, топая огромными ножищами, пошла в прихожую закрыть дверь. Сказать Тамерлану «до свидания» она не удосужилась.

– Так что ты можешь? – Они еще не вышли из подъезда, а Вероника уже приступила к расспросам, пританцовывая рядом с Тамерланом. Просто идти рядом было, вероятно, выше ее сил.

– В каком смысле? – рассматривая собеседницу в лучах яркого солнца, рассеянно переспросил Тамерлан. На солнце она выглядела еще эффектнее: загорелая кожа расцветилась золотистыми оттенками медового, каштановые кудри, рассыпаясь по плечам, разбрасывали вокруг головы снопы искорок, открытые в улыбке зубы поражали белизной. Тамерлан был ослеплен, сражен, выбит из колеи.

– Гадаешь по руке, предсказываешь будущее, по фотке можешь приворожить, нагадать удачу или бабки? – просовывая ему под локоть свою маленькую горячую мягкую ладошку, болтала Вероника, – О, а можешь так сделать, чтобы я экзамен на «пять» сдала? У меня сессия, помощь во как нужна! – Она резко провела ладонью по горлу.

– Могу, но только если ты сама готовиться будешь, – с улыбкой ответил Тамерлан, титаническим усилием сумевший взять себя в руки. Для этого пришлось напомнить себе, что он уже не студент, а солидный человек, экстрасенс с собственной практикой, умный, состоятельный, самодостаточный. И вообще, не мальчишка какой-нибудь, а опытный мужчина, и девушек у него было не одна и не две. Честно говоря, всего три. Но все равно не мальчишка. Помогло. Немного. Хотя и не очень, так, чтобы разговор поддерживать. Уж слишком Вероника была женственной, привлекательной и раскованной, сам Тамерлан в ее присутствии казался себе неуклюжим неопытным увальнем.

Была у него такая болезненная слабость. Несмотря на привлекательную внешность, приличный доход и профессию, Тамерлан чувствовал себя беспомощным перед хорошенькими женщинами. Вероятно, это было следствием подростковых психических травм. Тогда он был не уверен в себе, прыщав и абсолютно не пользовался успехом у противоположного пола. А еще из-за Ксюшки Кустицкой, первой красавицы класса, которая, зная, что он в нее влюблен до дрожи в коленках, без конца его дразнила, унижала, разыгрывала и выставляла на посмешище. Сейчас Ксюшка, к слову сказать, обычная невзрачная неудачница, сидит в Сбербанке на углу возле дома в белой блузке с зеленым галстуком и с кислым лицом коммунальные платежи пробивает. Тамерлан специально пару раз туда заходил, чтобы реванш взять, и к ее окошку

подходил, один раз с девицей под руку. Девица была высший класс, из его клиенток, начинающая фотомоделль.

– Клево! – прорвался в радужные воспоминания Тамерлана бойкий голосок Вероники. – О, а можешь сказать по фотке, как ко мне парень один относится? – выпустив локоть Тамерлана, она тут же принялась рыться в телефоне. Тамерлан почувствовал укол ревности, а взглянув на фото парня, скривился.

– И зачем он тебе? У него же на лбу написано: пустой, надутый, самодовольный индюк! Он же только себя, любимого, обожает!

– Да? А ну его, это я так, ничего лучше не придумалось, – легкомысленно ответила Вероника, безжалостно стирая фотку. – А можешь ты...

– Слушай, а что у Зои за генерал был, можешь рассказать? И почему он за ней столько лет ухаживает? – бестактно перебил Веронику Тамерлан, понимая, что еще минут пятнадцать пустой болтовни – и он окончательно одуреет, утратит инициативу.

– Генерал? Это еще школьный ее поклонник. Был влюблен в нее, но что-то там не сложилось. Он ее долго ждал, но она ему категорически отказала. Он женился, но Зоя все равно осталась любовью всей его жизни, даже после того, как замуж вышла. Но замужем она пробыла недолго, года два или три, потом они с мужем разбежались, дальше у нее вроде еще были какие-то поклонники, но ничего серьезного. А генерал был всегда, – быстрой легкой скороговоркой доложила Вероника.

– А откуда ты о нем знаешь? И как его зовут, может, адрес или телефон можно достать? – озабоченно спросил Тамерлан. Они с Вероникой дошли до небольшого сквера и устроились на лавочке в тени.

– Мне о нем бабка рассказала. А она этого генерала сама видела, он Зою с днем рождения поздравлял. Вот и рассказала, какая она, настоящая любовь и преданность. Я тогда как раз с Венькой рассталась и жутко ревела по этому поводу, а она мне – про генерала и настоящие чувства, – скидывая босоножки и бегая вокруг скамейки по траве, поделилась Вероника. Тамерлан от такой живости начал понемногу уставать. – Ужасно романтическая история.

– Как его зовут, ты не помнишь?

– Иван Алексеевич Трубников, – облачиваясь на спинку скамьи возле самого уха Тамерлана, прошептала Вероника. – Представляешь, он в нее еще в школе влюбился, они мечтали поступить в институт и пожениться. Первая любовь. Пылкие поцелуи, несмелые объятия.

Вероника обжигала ухо Тамерлана горячим дыханием, отчего он очень живо представлял себе и пылкие поцелуи, и несмелые объятия. Попробовал повернуться к ней лицом, но тут же буквально столкнулся с ней нос к носу, вспыхнул и отвернулся.

– А ее муж? – сглотнув, чуть хрипловатым голосом спросил Тамерлан. Больше всего на свете он сейчас хотел, чтобы она прекратила свои выкрутасы и села нормально.

Вероника, вероятно, была чуткой девушкой, потому что выпрямилась, оторвалась от Тамерлана и неторопливо обошла скамейку.

– Муж ее давно умер. Они, кажется, работали вместе. Ничего интересного. Детей у них не было, – пожал плечиком Вероника и уселась к Тамерлану на колени. Так легко и естественно, что ему и возразить было нечего. – Об остальных поклонниках я вообще ничего не знаю. А химичку эту, кажется, Ниной Константиновной зовут, у бабки есть ее номер телефона, на всякий случай. Но тебе она его ни за что не даст, – болтая ногами, продолжала Вероника. – Если хочешь, я его для тебя стибрю, а ты загнипнотизируй послезавтра препода, а то я экзамен точно завалю.

Выбора у Тамерлана не было. Они еще часик погуляли. Вероника обещала разузнать у бабки о прочих подругах пропавшей Зои Борисовны, а у подъезда одарила Тамерлана страстным долгим поцелуем. У бедного экстрасенса после него еще полчаса коленки дрожали, а Веро-

ника как ни в чем не бывало весело взбежала вверх по лестнице, что-то напевая себе под нос. Феноменальная особа, медленно приходя в себя, подумал Тамерлан.

Глава 12

– Коленька, просыпайся! – Тихий, ласковый бабушкин голос не может разрушить сладкий, глубокий сон, который бывает только в молодости и только под утро. А особенно в утро трудового дня. Нырнешь в такой сон, словно в глубину, и нет тебя, зови – не зови. И пробуждение сладкое-сладкое. – Николаша, вставай, на службу опоздаешь.

Теперь голос у бабушки озабоченный, с жалобной ноткой.

Коля Алексеев поворачивается на бок, кровать под его большим сильным телом жалобно поскрипывает.

– Николаша! – уже решительнее трясет его за плечо бабушка. – Чайник вскипел. Вставай, говорю.

Надо встать. Коля поворачивается на спину, улыбается бабушке, не открывая глаз, и начинает потягиваться, а бабушка, успокоившись, идет к буфету за чашками.

Тихонько тренькает блюдцем. Бабушка достает доску, режет хлеб.

Сквозь прикрытые ресницы Коля видит, как разбегаются вокруг него золотистые, зеленые, сиреневые круги. Это солнышко, вливаясь в окошки с низкими потрескавшимися от времени деревянными подоконниками, уставленными геранью, светит ему в лицо и покрывает комнату узорной кисеей сквозь старенькие бабушкины кружевные занавески.

– Николай, да что ж это такое! – сердито зовет бабушка, и Коля знает, что она стоит у стола, сложив руки под передником и сердито сверля его глазами. Лицо у нее строгое, а глаза добрые и грустные, и хоть она его сейчас и ругает, а в душе все равно жалеет. Она его всегда жалеет. Наверное, потому, что он один у нее остался.

Коля тоже ее жалеет, так что вскакивает с кровати, хватая брюки и, чмокнув бабушку в мягкую морщинистую щеку, торопится в ванную.

А в ванной занято. «Вечно одно и то же, – сердито думает Коля. – И правда ведь опоздаю». Он стучит кулаком в дверь.

– Тарас, вылезай! Я на службу спешу! Сейчас моя очередь!

Но никто из ванной не отвечает. Слышно только, как вода шумит. Да оно и неудивительно. Тарас всегда так делает.

Тарас Понкратович Злагодух, мордатый, толстый, наглый дядька, появился в их квартире около года назад. Приехал к сестре в гости и остался. Сосватал за себя соседку тетю Валю и почувствовал себя в квартире хозяином.

Так получилось, что в квартире кроме Тараса, его сестры Надежды, жены Валентины жили еще Коля с бабушкой, тетя Маруся, учительница русского языка и литературы с двумя детьми, пожилая интеллигентная пара Изольда Каземировна с Иваном Сергеевичем и медсестра Клава. Но та все время пропадала то на дежурстве, то на танцах, то по уколам бегала, халтурила. Тарас говорил, что это она правильно делает, приданое копит, вот и вертится как белка в колесе. Словом, почувствовал себя Тарас в их тихой квартире хозяином. Колька еще молодой, с соседями ругаться не привык. Бабушка его тем более никогда ни на кого голос не повысила. Супруги Решетниковы староваты уже права качать, к тому же у Ивана Сергеевича астма. Клавы дома никогда нет, хотя с ней-то как раз Тарас связываться побаивался. А тетя Маруся, маленькая, худенькая, интеллигентная, и вовсе мухи не обидит. Куда ей с таким нахрапистым типом, как Тарас, тягаться?

Когда он у них поселился и принялся в их тихой дружной квартире порядки свои завести: кто и сколько за свет платить должен, кто и когда – полы мыть, в ванную ходить, где можно белье и велосипеды вешать, а где нельзя, – тетя Маруся попробовала ему замечание сделать, так он ее до слез обидел. Больше она с ним не разговаривает.

Но в последнее время то ли Коля повзрослел, то ли Тарас окончательно обнаглел и прижился, стал Коля чувствовать острую потребность поставить этого хама на место. А то бабушка говорит, он еще и керосин повадился у соседей отливать. А попробуй ему скажи – такой рев поднимет, что уже и на керосин наплевать, лишь бы отстал.

– Тарас, выходи, говорю, я на службу опаздываю! – сердито гаркнул Коля, чувствуя, что дозревает до решительного объяснения, и громко стукнул кулаком в дверь.

– Чего во-опишь, чего во-опишь? – растягивая слова, с мягким, благодушным выговором спросил Тарас, появляясь на пороге ванной. – Подумаешь, зашел чоловик помыться на минутку, а вони уж вопять. Ты бы, Микола, лучше за другими соседями приглядывал. Вон, Маруськины воглоеды так куски с чужих столов и хапают, крошки хлеба не оставишь, а у самой Маруськи керосин опять слили. Так вони ж наверняка и слили, бесенята, – промокая длинным вышитым полотенцем лицо и шею, ворчал Тарас, неспешно направляясь к себе и шлепая по дощатому полу стоптанными кожаными тапками.

«До чего есть наглые люди, – удивлялся Коля, намыливая щеки. – Сам керосин ворует, улыбается всем в лицо и ничего не боится». А он тоже хорош, надо было заступиться за Ленку с Сережкой, ребята не то что керосин, они спички чужой никогда не возьмут. А он промолчал. Стыдно. Тоже мне сотрудник МУРа, гроза преступного мира.

Вот почему так? Почему он перед каким-то хамом теряется? Здоровый же парень, спортивный разряд имеет. Бабушка говорит, что он робкий такой потому, что без отца воспитывался. Был бы отец жив, настоящим бы мужиком вырос. Коля, конечно, и так был мужиком. И гвоздь вбить умел, и тяжести таскал, и подраться мог, а вот перед таким нахальством беспардонным в душе робел. Потому что такие вот нахалы сами напакостят и потом громче всех орут, и ты же вроде как еще и виноватый получаешься. Коля еще с детства случай помнит, когда он в метро ехал в плотно набитом вагоне и какой-то толстый нахал, на Тараса их, кстати, чем-то похожий, влез в вагон с авоськами и сетками и так беспардонно пассажиров стал расталкивать, чтобы местечко себе попросторнее отвоевать, что уронил маленькую старушку. А когда она упала, тут же накинулся на стоявшего рядом Колю и стал кричать, до чего молодежь наглая пошла – пожилого человека на пол толкают. А еще пионерский галстук надел! Коля, конечно, стал оправдываться, но увидел, с каким осуждением на него люди смотрят, и ступешивался. Какая-то горластая тетка с жуткими красными губами уже принялась кричать, поддакивая гражданину с авоськами, что все они такие бесстыжие и надо номер школы узнать и директору сообщить. Коля так перепугался, что на ближайшей остановке из вагона выскочил, а пассажиры ему вслед гудели неодобрительно, стыдно, мол, пожилых людей обижать. И больше всех тот нахал кричал, что старушку уронил. Вот с тех пор Коля этих людей еще больше бояться стал, потому что не знал, как с ними бороться, и понять их не мог. Даже, возможно, испытывал какой-то священный ужас перед ними. А еще жутко ему было стыдно, что его таким же посчитают, поэтому, наверное, и сопротивляться не мог. «Натравить бы на Тараса капитана Кочергина, тот бы враз нахала на место поставил, у него это здорово получалось, ему даже форма с удостоверением для этого не нужны», – осторожно натягивая кожу и вода лезвием по щекам, размышлял Николай.

– Маслом намазывай, – ворчала бабушка, озабоченно глядя на внука. – Исхудал совсем, целыми днями где-то носишься. Что за работа такая? Вон шел бы, как Саня Коротков, на завод. У них там и столовая хорошая, и оклад, и премия.

– Гм, – кивал Коля, жуя хлеб с маслом и запивая сладким чаем. С бабушкой он никогда не спорил. Правда, делал все равно по-своему.

– Ты Сашу-то давно видел?

– Гм...

– Поговорил бы с ним, а? Может, уйдешь из милиции? Боязно мне, особенно когда вы по ночам дежурите, – тяжело вздыхала бабушка. – Один ты у меня остался.

Вот тут наступал опасный момент, Коля его всегда боялся. Когда бабушка вспоминала, что он у нее один остался, и начинала плакать, тихо утирая слезы краем передника, Коля чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Потому что если он и остался один у бабушки, так и бабушка у него тоже осталась одна. И он ее очень любил.

– Ба, ну не надо, ладно? Ну не плачь! Ну что ты? – Коля соскочил с места и присел рядом с бабушкой на колени, обняв ее за плечи и жалея, как маленькую. – Ничего со мной не случится, мы же, когда приезжаем, все уже давно закончилось. Всех уже ограбили. Вот сегодня, например, я в школу пойду с ученицами разговаривать. Чего здесь бояться?

– В школу? Зачем? – промокая глаза, с любопытством спросила бабушка.

– Гм... – уклончиво хмыкнул Коля, соображая, как лучше выкрутиться, чтобы не наврать. Всего бабушке о своей работе он никогда не рассказывал, берег ее. Вот и про Лиду Артемьеву тоже ничего не рассказал, она бы от ужаса потом ночей не спала и его бы на работу не пустила. – Свидетелей ищем по одному делу, секретному, – наконец сообразил он и тут же стал демонстративно искать ножик, который секундой раньше ловко запрятал за подставку под чайником.

– Ба, а где ножик? Я хотел еще бутерброд съесть, да уж ладно, не успею, наверное, – махнув рукой, поспешил встать из-за стола Николай.

Бабуля тут же забыла обо всех секретах на свете и принялась, охая, искать ножик, а Коля схватил кепку и поспешил за дверь.

Парило. Жаркое марево стояло над Москвой, окутывая купола и крыши, словно туманом.

«Как бы грозы не было», – промокая платком потную шею, с тоской смотрел на небо Коля Алексеев. Он стоял в тени огромного старого ясеня на углу женской школы и ждал, когда подружки покойной Лиды Артемьевой выйдут с экзамена. Сегодня у них последний.

Директор школы предложила муровцу подождать окончания экзамена в его кабинете, а потом собрать всех девушек в классе. Но Коля отказался, не зря же его наставляли Кочергин и Синигин.

– Ты их лучше по одной растаскивай и с шутками-прибаутками по домам разводи, – советовал Синигин. – Девки, они только с виду такие неприступные, а на самом деле легкомысленные глупехи. Смазливому парню увидят – и все, пиши пропало, секреты хранить не умеют. Улыбнешься, подмигнешь, они и растают. Дело-то молодое, чего я тебя учить буду? – озорно, многозначительно подмигивал Тимофей Григорьевич, и Коле от этого подмигивания аж в животе тошно становилось.

– Ты пойми, – гнул свое Кочергин, – если они до сих пор молчали, значит, или боятся, что им влетит, что раньше взрослым не рассказали, или подругу выгораживают, хоть и покойную. Дурехи. В любом случае на откровенность только тет-а-тет пойдут, как говорят французы. Так что действуй. И не робей. Помни, ты сотрудник уголовного розыска, твое дело преступника найти, а уж их хи-хи да ха-ха мимо уха пропускай и не тушуйся, – проявил завидное понимание капитан.

Коля нетерпеливо посмотрел на часы. Время тянулось медленно. Можно было еще у директора посидеть, там как-то прохладнее, окна все распахнуты, и сторона теневая. Николай принялся бродить вокруг дерева, стараясь не выходить за неровное пятно тени. Упустить из виду школьные двери он опасался – вдруг пропустит окончание экзамена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.